

ДРУГИЕ
МИРЫ

Галина Гончарова

ДУША
ДРАКОНА

Другие миры (АСТ)

Галина Гончарова

Душа дракона

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Гончарова Г. Д.

Душа дракона / Г. Д. Гончарова — «Издательство АСТ»,
2022 — (Другие миры (АСТ))

ISBN 978-5-17-145579-8

Три дня на то, чтобы найти убийцу, которого не может найти полиция. Всего три дня, а потом Совет Вампиров сделает из вас винегрет. Юля это понимает, но как его искать? Когда тебе на голову свалился бесхозный дракон с проклятием, когда магия решительно не осваивается, когда не можешь разобраться со своими способностями... Как тут быть? Да еще и на вампира, с которым связана Юля, покушаются, и только чудом удастся его спасти. Хоть и очень хочется добить. Или уже не хочется? Все же Мечислав меньшее зло рядом с предложенным? Или – это любовь?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-145579-8

© Гончарова Г. Д., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1. Если первый блин – комом, то второй лучше не будет	6
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Галина Гончарова

Душа дракона

© Галина Гончарова, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Глава 1. Если первый блин – комом, то второй лучше не будет

* * *

Константин Савельевич Леоверенский считал себя счастливым человеком. И не без оснований.

Если представить себе всю его жизнь в виде весов, он бы сказал, что счастье – в равновесии. А для того, чтобы кто попал не нарушал его – надо уметь защищать себя.

И он учился этому с детства. То есть – с того момента, как его деревня была уничтожена зверями и нечистью, которой Бог почему-то даровал человеческое лицо. Хотя...

В Бога маленький Костя и до того не верил, а уж после смерти всех своих родных и близких – тем более.

Когда он понял, что мать, отец, дяди и тётки, бабушки и дедушки, маленькие братья и сестренки – мертвы... не просто мертвы, а убиты, – им овладела холодная бешеная ярость. Хотелось убивать. Даже не так. Хотелось УБИВАТЬ. Медленно и мучительно. Беря за жизнь каждого из своих родных – по тысяче жизней врагов. Вредить им всем, чем только возможно.

Если бы не дьявольское везение, жизнь маленького Кости оборвалась бы несколькими днями позже – он тогда хотел устроить засаду на немецкий патруль. Но ему повезло. Ту же засаду решили устроить и партизаны. И Костя попал в отряд.

Сначала его хотели эвакуировать. Потом...

Костя навсегда запомнил своего первого командира, Петра Сергеевича. Пожилой дядька, до войны бывший участковым, а с приходом немцев ставший их постоянным проклятием, дымил «козьею ножкой» и печально глядел на парня.

– Их не вернешь. Жить надо. А ты погибнешь. Ты слишком мал, слишком горяч, слишком... слишком сильно тебя *задело*... Тех, кто идет мстить, часто убивают первыми...

Костя ощерился, как волчонок.

– Связывайте, усыпляйте – все равно удеру! Плевать, что умру, лишь бы побольше этой мрази сдохло!

Петр Сергеевич несколько минут глядел на паренька, стиснувшего кулаки. Что приковало его взгляд? Что заставило изменить, казалось бы, уже принятое решение?

Он и сам не знал. И Костя не знал. Но воевал с Петром Сергеевичем до той минуты, как отряд попал в окружение. Уйти удалось немногим. Петр Сергеевич навсегда остался там, в лесу. Он – и еще штук (язык не поворачивался даже сейчас сказать – человек) сорок фашистов. Не надо бояться гранаты, она – ручная. А для некоторых – еще и последняя надежда. Когда окружили и понимаешь, что уже не уйти...

Уйти можно всегда. И забрать с собой на тот свет как можно больше нечисти, топчущей сапогами землю твоей родины.

Ему повезло снова – он сумел уйти живым. Чтобы вернуться.

За время войны было всё. И плен в том числе. Ему навсегда запомнились немецкие солдаты, которые схватили его в деревне. И лицо сдавшего его человека. Предательство губило многих в то время. Кто-то предавал своих за деньги, кто-то по убеждениям. Косте было все равно. Предателя он навестил позднее. С выдумкой навестил. Надел драный саван, нарисовал на лице трупные пятна и поскребся в окошко. Недолго. Послушал истерические вопли и визги. А потом поджег избу.

Можно было бы просто поджечь, без предупреждения. Но смерть в огне – страшна.

Не лучше смерти на морозе. Попав в плен, он твердо решил – умереть, но ничего не выдать. И умер бы. Молчал бы под любыми пытками. Любыми казнями. О своих – молчал. Зато о себе немцы узнали тогда много нового. И о происхождении чистой арийской расы от крыс, жаб, пиявок и змей, причем все они скрещивались весьма противоестественным образом.

И о своем фюрере – тоже. Родословную, привычки и нравы Гитлера Костя описывал так красочно, что будь это хотя бы на треть правдой – того бы даже в ад не пустили, справедливо опасаясь за нравственность чертей.

С тех пор у него нет трех зубов. Увы. Сейчас он заменил их на фарфоровые.

Ему опять повезло. Когда его решили спустить живого в прорубь. Привязать там – и оставить медленно умирать в ледяной зимней водичке.

Никто не мог предположить, что паренек перегрызет веревку. Что рискнет нырнуть под лед. Что выплывет – и выживет. Но Косте повезло...

Повезло ли?

Он плохо помнил, как дошел тогда до своих. Чувствовал себя, как кусок льда. Ему тогда казалось что лед – везде. Снаружи. Внутри. Что по его венам вместо крови текут маленькие снежинки – и застывают там. И требовались бешеные усилия, чтобы сделать хотя бы один шаг.

Его тогда напоили самогоном, растерли и завернули в одеяло. А через трое суток он открыл глаза полностью здоровым.

Повезло...

После войны он пытался наладить жизнь. В 50-м женился. Еще через десять лет дождался от жены сына – после двух выкидышей. Танюшка была замечательной, но война никого не щадила. Все знают, сколько жизней она унесла. Но никто не мерил унесенное ей здоровье. Тех мужчин, кто не смог жить искалеченным. Тех женщин, которые не смогли родить детей. Тех детей, которые никогда не стали взрослыми из-за пришедших к ним болезней. Или просто умерли, не дожив до двадцати. А врачи потом говорили: «всего себя человек отдал». И отдавали, в двадцать лет, в тридцать лет... А когда человека вскрывали – по паспорту ему было двадцать, а внутренние органы принадлежали семидесятилетнему человеку¹.

Женька родился болезненным ребенком. Слабым, хрупким. Зато любил музыку. С удовольствием ходил на бальные танцы. Костя так и не понял – когда же он упустил вожжи?

Когда жизнь пошла вразнос?

А может, это просто была трижды проклятая эпоха перемен?

Уже в восьмидесятые он понимал – ничем хорошим все это не кончится. И дружба с бывшими заклятыми врагами. И игры в демократию. Поэтому готовился к самому худшему. Ему и в голову не приходило соблюдать закон. Главное тут – не попадаться. На заработанные деньги он покупал то, что всегда ценно. Что легко спрятать. Унести с собой. Продать в любой стране. Золото. Драгоценные камни. Антиквариат. Благо, Танюшка была искусствоведом.

Да, за это могли посадить. Но могли и не посадить. А рисковать Косте было не привыкать. Семью он в свои дела особенно не посвящал.

А потом Женька женился. И Костя впервые понял, что пропадает.

Что такое любовь?

К кому она приходит и как заявляет о себе?

Подчиняемся ли мы ей – или нет?

У всех свой выбор и свои дороги.

Костя проклял все на свете, когда Женька впервые привел в дом Алю.

Симпатичная девушка с зелеными (кто-то скажет – обычными, карими, но они ведь не видели россыпи зеленоватых крапинок-звездочек в ее глазах) русалочьими очами и темными растрепанными волосами за одну секунду и навсегда завладела его сердцем.

¹ Реальный случай. (Здесь и далее прим. авт.)

Костя думал когда-то, перед свадьбой, что любит свою Танюшку.

Теперь он понимал, что всего лишь хотел уйти от одиночества. Это ему удалось. Танюшка искренне любила его. И старалась все сделать для мужа. Была ему подругой, опорой, надежным товарищем.

Только вот не любовью.

Но Костя скорее дал бы отрезать себе руку, чем показал ей это. Он стал более внимателен к жене. Дарил ей цветы по поводу и без повода. Заезжал на работу. Устраивал маленькие праздники, вызывая зависть всех ее подруг. Танюшка цвела и была искренне счастлива.

А Костя ничего не мог с собой поделать. Он целовал жену – и закрывал глаза. Вместо светлых волос он видел темные. Вместо голубых глаз – зеленоватые, с мерцающими крапинками вокруг зрачка. И крепче стискивал зубы.

Он никогда не станет изменять жене.

Никогда не опозорит свою семью.

Никогда не предаст своего сына.

А время – шло и летело. Родился первый внук. Славка. И Костя стал искренне любящим и заботливым дедом. В глубине души представляя, что это – его сын. И даже себе в этом не признаваясь. Тем более что мальчик вырастал похожим на Евгения, своего отца. От деда в нем было очень мало.

Через девять лет неожиданно родилась и внучка. Юлечка.

Она ничем не напоминала Славку. И все же Костя не мог разобраться, кого из внуков он любил больше.

Славка. Веселый, компанейский, открытый, в чем-то трепетный и удивительно ранимый. Эгоистичный, потому что первенца баловали все кому не лень. Требовательный и в чем-то ограниченный.

И Юля. Замкнутая и тихая. Не любящая компаний и шума. Но ранимая ли? Это было сложно понять. С точки зрения Кости – внучка рано поняла, что самое важное в жизни – это именно жизнь и здоровье близких людей. Если это – есть, остальное уже не так важно. Требовательная?

Нет. Откровенно безразличная ко многому. Не любящая красиво одеваться. Не тянущаяся к побрякушкам, которые обожала Танюшка. Но готовая разрыдаться у дверей книжного магазина, не получив интересную книгу. Костя иногда думал, что Юля уже родилась с жесточайшим информационным голодом. Это было у нее в крови. Навсегда.

Капризная? Тоже нет. Своего рода шкатулка с секретами. Которую не надо торопиться открывать.

Косте сложно было сказать, кого из внуков (неужели уже внуков? Как летит время!) он любит больше. Славка был внешне копией отца. Юля, как ни странно, походила на мать – и немного на него. Впрочем, какая разница? Какую руку любить больше? Правую? Левую?

Костя был более или менее доволен жизнью. Но НЕ МОГ не думать об Але. Не мог выкинуть ее из своих снов и мыслей. Просто – НЕ МОГ.

И сам не знал – чего тут больше. Помянутого «запретного плода»? Или это страсть? Страсть усталого, прошедшего огонь и воду немолодого мужчины? А ведь он годится Але в отца. А по количеству пережитого так и в прадеды...

Или все-таки это – любовь? Та самая. Безумная. И безудержная?

Говорят – «первая любовь». И забывают, что есть и другая. Еще более огненная и страшная. Любовь последняя.

Но Костя мог себя контролировать. Несмотря ни на что. Мог.

Он знал, что такое долг. И честь. И порядочность.

Только вот когда началась перестройка, решил бросить все – и заняться бизнесом. Чтобы занять голову? Или это было еще одно сражение? И в нем обязательно надо было выиграть?

Костя не знал. Но готов был драться. А потом уже подумать – почему он полез в драку. И все закрутилось.

Продать кое-что из «золотого запаса» было несложно. Поучаствовать в «большом хапке» (и вовремя прыгнуть) с «МММ», «РДС» и прочими гадостями он тоже успел. Понимая, что бешеные прибыли достанутся только тем вкладчикам, которые успеют забрать свои деньги вовремя, он не ждал слишком долго. Да, обошлось без миллионных прибылей. Но и пирамида его под собой не погребла.

А деньги пошли в дело. Сначала он сам работал на автобусе.

Потом, чуть освоившись, обзавелся еще одним – и привлек к своему бизнесу Женьку. Но тут дело не пошло. Женька оказался на редкость не приспособлен для выживания в условиях перестройки.

Ладно.

Костя прикинул – и нашел нескольких ребят, которые успели демобилизоваться, на тво-рящееся вокруг глядели с ужасом, как подключиться в эту реку не представляли, но возвра-щаться в родные деревни тоже не хотели.

Парни крепкие. Дисциплина есть. Машины водить умеют. Костя думал именно так – и не прогадал.

Через два года у него был автопарк и несколько автобусов. И он серьезно задумывался о приватизации городского автовокзала. Почему бы нет?

Но тут на него началась охота.

В городе начался очередной передел. Костя в принципе стоял от этого в стороне. Беспредельщиков он уважал только в одном виде, а именно – в гробу. Поэтому он платил за охрану одному из трех авторитетов в городе и спал спокойно.

Увы.

В город прибыл молодой и наглый вор в законе Кацо. Полностью он был Рустам Мирзович Кацоян. Странная смесь, но чего не бывало во времена СССР?

Кацо огляделся – и решил, что трех «китов» криминала городу мало. Четвертого надо. И начал постепенно подгрести под себя все, что плохо лежало.

«Леотранс» был первой попыткой подгрести одно из предприятий, принадлежащих дру-гим.

Что ж. Костя довольно резко ответил его «быкам». Спустил с лестницы «группу захвата». Не сам. С помощью тех самых ребят, которые стали его командой. Не зря он постоянно, в свободное от работы время гонял их то в спортзал, то в тир, повторяя: «В России живешь. Не в СССР. А здесь может быть всякое. Что ты за мужик, если себя не защитишь?».

Шипели. Ругались. Но – шли.

Результат оценили потом. Когда таксиста могли запросто выкинуть из машины. Переломать ему кости. Отобрать выручку. Или даже просто убить – в «Леотрансе» не пострадал никто. Орудием самозащиты может быть что угодно. Даже здоровущий разводной ключ. Только примени правильно. И не бойся убить тех, кто собирается убить тебя. А именно это Костя считал причиной всех несчастий.

Нерешительность.

Слабость и мягкотелость любого порядочного человека перед уличной шпаной.

Там где надо бить первым – и бить насмерть, а потом уходить, не испытывая ничего (и уж тем более какой-то там вины!), люди начинают мяться, бояться, страдать – и в результате гибнут. Из своих сотрудников он эту мягкость вытряхивал, как пыль из ковра – хоть палкой, хоть выбивалкой, лишь бы сработало. И срабатывало.

Нанять грамотных юристов, чтобы те отгавкивались в суде, тоже было несложно. Зато пошли слухи: «Леоверенский своих не выдает». А за слухами пришла и репутация.

Которой не верил Кацоян.

Старик. Да что он может?!

Кацюяна пришлось разочаровать. Смертельно.

Константин помнил, как пришел на встречу, пряча маленький пистолет на ноге, под брюками. Для вида. И – уже всерьез – гарроту под воротником пиджака.

Почему все недооценивают удавку?

Как изобрели огнестрел, так и решили, что ничего лучше не бывает, дилетанты несчастные!

А Костя отлично знал, что самое страшное оружие – это человек. Он до сих пор занимался восточными единоборствами. Очень ценил метательное оружие. Любил удавки. И – с удовольствием бы освоил пращу. Не освоил. Но может, все еще впереди?

Естественно, на входе его обыскали. Так же естественно – нашли и отняли пистолет. И скривились в презрительных ухмылках. Чего еще ждать от старика?

Костя знал – чего. Если бы он был уверен, что может положить Кацюяна и уйти безнакаженным – он бы и секунды не задумался. Остановливало его другое. Бизнес сильно зависел от него. Женька не удержал бы вожжи. А Костя не хотел садиться в тюрьму, тратить время на юристов и всякую пакость, которая непременно полезет из всех дыр.

Недаром говорят – не за то вора бьют, что украл, а за то, что попался.

Вывод – Кацюяна он бы прикопал под забором лично. Но попадаться не хотелось.

Наезд был построен вполне в кацюяновском духе. Косте продемонстрировали фотографии его близких. *«Очаровательный дэвчуик, да? И такой мыльный малчик! Будет ужасно жалк, если с ними что-нибудь случится, да?»*

Как Костя сумел не показать вида – он и сам не знал. Но вместо этого только улыбнулся тогда.

«Представь себе, мне наплевать. Они все равно не от Женьки. Только этот тюфряк ничего не знает. А я молчу, чтобы семью не позорить».

Врал он тогда безбожно. Но Кацюян, кажется, поверил. Костя ушел на своих ногах. Живой и целый. И уверенный, что его внуков никто не тронет. Пока не тронет. О сыне он беспокоился чуть меньше – взрослый же мужик! Немного времени он себе выговорил. И стал готовить ликвидацию Кацюяна. Нет человека – нет проблемы. Хотя даже условно Кацюяна он к людям не относил. Любой, кто угрожает детям, да и вообще – его семье, приравнялся Костей к фашистам – и приговаривался автоматически.

Ему потребовалось ровно три дня. Но за эти три дня и Кацюян успел нанести свой удар. И Костя лишился сына.

Танюшка... ее смерть тоже была на его совести.

Костя осознанно подставлял сына в надежде на его здравый смысл, на умение защитить себя, но – просчитался. Впрочем, выбора все равно не было. Займись этот подонок его внуками, было бы еще хуже.

Костя не любил вспоминать об этом.

Фактически обе смерти – и жены, и сына, были на его совести. Только Женька умер от пули неизвестного снайпера, а Таня – от тоски. Через два года после его смерти. Врачи говорили – рак. Костя знал – ей было просто безумно плохо без сына. Так она и не смогла оправиться до конца после его потери.

Дети не должны умирать раньше родителей.

Аля тогда тоже резко сдала.

Похудела, побледнела – и целиком посвятила себя детям.

Что-то серьезное у них началось только через три года после смерти Татьяны. Опять-таки Костя ничего не планировал. Он старался не выдавать себя. И Аля действительно ничего не замечала.

Он рассуждал так. Если сейчас он покажет Але, что чувствует, она просто уйдет. И она, и дети... а он останется совсем один.

Этого ему не хотелось.

Эгоистично?

Может быть. Но так у него была хоть какая-то семья. Поэтому Костя сцепил зубы – и продолжил строительство своего бизнеса. И «Леотранс», словно в компенсацию его любви, которую надо было постоянно давить и прятать, рос, как на дрожжах.

Единственное, чего он боялся – была любовь. Он был готов к тому, что Аля однажды придет и скажет: «я хочу выйти замуж за...», а что? Молодая женщина. Красавица. Между прочим, с ней пытались знакомиться на улице – до сих пор. Поэтому он с ужасом ждал этой минуты. «Я собираюсь замуж за...» – и он сделает все, чтобы опять видеть ее, хотя бы видеть... видеть счастливой с другим!!!

Что такое ад?

Ад – это то, что внутри нас. Наши чувства. Наши мысли.

Свой ад мы строим для себя – сами.

И рай – тоже.

Тот вечер он помнил отчетливо и ясно.

Они с Алей были на даче. Вдвоем. Славку отправили в летний лагерь на месяц. Костя считал, что ребенок должен уметь общаться с себе подобными. И такие вот лагеря – отличный полигон для отработки навыков. Славка поехал с радостью. Юля была тогда еще маленькой. И так получилось – доигралась. Ее укусила мышь. Все бы ничего, но мышь могла быть бешеной. Поймать ее на анализы не получилось – и ребенка уложили на уколы под наблюдением врачей. А Алю отговорили лечиться вместе с ней. *«Ребенок у вас спокойный. Навезите ей побольше книжечек – и нормально. У нас и так места мало... А неделю в больнице ваша дочь перенесет спокойно».*

Аля вздохнула – и согласилась. Тем более – это была чистая правда. С книгой Юля могла перенести все, что угодно. Хоть подвешивание к потолку кверху ногами и пироги с начинкой из касторки.

И они сидели одни. На веранде. Догорал закат. И золотые искры плясали в глазах женщины. Костя любовался ей. И безумно хотел сказать о своих чувствах, хоть что-нибудь сказать, но привычка – больше чем десятилетняя привычка – въелась в кровь. Лучше промолчать сейчас, чем пожалеть потом.

Как-то незаметно рука Али нашла его руку. И он наслаждался ощущением прохладных тонких пальцев в своей руке. Хотел погладить их, но не решался. Решилась Аля.

Одним движением. Одним взрывом.

– Я так больше не могу! Довольно!

Она вскочила, как подброшенная пружиной – и убежала в дом. Костя подумал – и пошел за ней. Чтобы увидеть ее – в гневе меряющую шагами комнату. Никто бы не сказал, что она родила двоих детей. Что старшему уже шестнадцать лет! Никто и никогда. Та же стройная фигурка. Те же молодые, сияющие глаза. Такие же сильные движения. Или это верно только для любящего взгляда? И привычно кольнуло сердце старыми страхами. Ждал? Боялся? Вот и дождался. Похоже, кончилась твоя семья. И нечего было воображать себе, что Аля – твоя жена, а твои внуки стали твоими детьми. Не забывай кто ты такой... старик... пусть даже и не чувствуешь себя стариком и дашь фору многим сорокалетним... они – не твои... и Аля, наверное, собралась уходить! Она же сама сказала, что больше не может...

– Что случилось? – осторожно спросил он.

И тут же получил подушкой в плечо.

– Что?! Ты не понимаешь – что?!

И вдруг сломалась. Рухнула на диванчик и замерла там. И тихо, сквозь прижатые к лицу руки:

– Мне надо уйти. Я не могу так больше! Я знаю, ты Татьяну любил! А я... Господи, какая я дура! Почему так получилось?! Почему я тебя полюбила?! Почему так?! Я не могу перестать любить тебя! НЕ МОГУ!!!

Он не сразу поверил тому, что услышал. Несколько минут Костя стоял, как памятник Ленину. А потом опустился на колени перед любимой женщиной...

Потом было многое. Слова, признания поцелуи...

Было – все. И двое счастливых людей, встречающих рассвет – вместе.

Им больше не надо было скрываться. Прятаться. Таиться друг от друга. И они были счастливы. Только не решались признаться детям. Да и вообще – никому.

И – зачем?

Как объяснить глупым и завистливым, что они разрешили себе любить? Теперь – разрешили. Но до смерти Женьки и Татьяны у них ничего не было. Да и быть не могло. А сейчас они были птицами, вырвавшимися из клетки. И радующимся свободе.

Радость нарушилась через пару лет. Славкой. Что-то внук заподозрил. И устроил скандал. Одно утешение, Юля в тот момент была уже достаточно взрослой. И все поняла. Смогла понять. И это было хорошо. Одного ребенка они потеряли. С точки зрения Кости – внука по имени Станислав у него больше не было. Померши. И все тут. Второго сохранить удалось.

А вот во что вляпалась его внучка на этот раз?

Костя коротко и невесело рассмеялся. При коммунизме хоть вампиры не водились! Зато сейчас...

Он отлично помнил, как они с Алей улетели зимой отдохнуть. А вернувшись – нашли Юлю в больнице с воспалением легких и весьма неутешительным прогнозом. Тогда ему впервые стало страшно. Не за себя. За Алю. Как-то она сможет пережить гибель дочери?

Но Юля выкарабкалась. А он – был удивлен впервые за много лет.

В ту ночь он остался вместе с Алей дежурить у постели внучки. И когда любимая вдруг в одну секунду уснула у него на руках, искренне удивился. Это было совершенно непохоже на нее. И еще больше он удивился, когда в палату спокойно вошли трое мужчин.

Без халатов, без бахил, и откровенно ничего не боясь. Они шли странной, плывущей походкой, чем-то непохожей на обычную, человеческую. И Костя понял – они специально чуть шумели при ходьбе. Специально ломали свои движения, искажали их, сутулились, шаркали ногами, старались не показать свою странную, нечеловеческую силу. И старались походить на людей. Иначе он ничего не услышал бы.

Первым заговорил черноволосый тип во всем черном.

– Константин Савельевич? Доброй ночи. Прошу простить наше вторжение, но нам есть о чем поговорить.

– Например?

– О том, как ваша внучка оказалась на больничной койке. Прошу вас не шуметь зря. И не будить вашу жену. Нас никто не услышит. Все спят.

– Неужели?

В это слово Костя вложил всю доступную ему иронию. Брюнет улыбнулся.

– Мы можем усыплять.

– Мы? Николай Второй?

– Нет. Мы – вампиры.

И брюнет улыбнулся, показывая острые, вовсе уж нечеловеческие клыки.

В ту ночь Костя убедился в существовании вампиров. И вовсе не обрадовался этому. Но – принял как данность. Выбора все равно не было. Алю они решили в это не посвящать. И

не сталкивать ее с вампирами ни в каком виде. Мечислав помог Косте оплатить и обставить квартиру для внучки. И Костя перевез туда девушку.

Это не было уступкой. Если бы он видел, что Юле лучше оставаться дома, рядом с родными и близкими, он бы так и поступил. И пусть вампиры хоть на окнах виснут! Чеснока у нас много выращивается! Святая вода тоже не в дефиците. Отбились бы! Но Юля физически не могла жить рядом с людьми. Ей просто становилось плохо. Временами. Припадками, которые оставляли ее полностью разбитой. Ночными кошмарами, после которых больные в соседних палатах жаловались на дикие Юлины вопли. Шок? Истерика? Нервный срыв?

Косте были неважны слова. Важнее было другое – если девочку оставить в покое и дать ей прийти в себя – она восстановится. А он пока поработает вместе с вампирами. Мечислав ему, как ни странно, понравился. Редкая сволочь. В красивой, очаровательной упаковке скрывался стальной стержень. С ним можно было иметь дело.

Особенно если сразу показать зубы, а потом по три раза проверять все предложенное вампиром.

Как только Мечислав это понял, он стал относиться к Косте более уважительно. Два битых жизнью человека (пусть один из них уже давно и не человек) нашли общий язык.

И Костя ни разу не пожалел о своем решении.

Потом было многое. Возвращение его внука. Бывшего внука. Куча дел. Много проблем. Но настоящую тревогу он почувствовал только сейчас.

Черные кляксы. Что это такое? Почему Юля их видит, а он – чувствует? Шестым ли, седьмым чувством, но... Ему было противно даже глядеть на оборотня и ту журналистку. Он безоговорочно поверил Юле тогда. И не прогадал. А потом, от греха подальше, уехал с Алей на дачу. Но сейчас его терзало беспокойство.

– Костенька, ты ужинать будешь? – позвала его Аля.

– Буду, – отозвался он.

Вечером они накрывали на веранде. И любили сидеть, смотреть на закат, разговаривать...

– Когда-то Юлька нам еще внуков подарит, – вздохнула Аля, расставляя чашки для чая.

– Надеюсь, скоро, – улыбнулся Костя. – Только пусть себе мужа найдет.

– И не абы какого! Костя, у тебя никого нет на примете? Может, ее стоит с кем-нибудь познакомить?

Костя только фыркнул. Вообще-то на примете у него был Мечислав. Да, сволочь. Да, гад тот еще. Но вот внучку Константин Леоверенский доверил бы ему, не раздумывая. Именно поэтому. Ей пришлось бы тяжело с Мечиславом какое-то время. Это – так. Но потом, потом они нашли бы друг друга. И рыдали бы от них все окружающие.

– Я подумую, – ушел он от ответа.

Что заставило его насторожиться? Мотоциклетный треск? Что бы в нем было странного – летом, в дачном поселке? Но в следующий миг Костя уже лежал на полу веранды, закрывая собой Алю, прижимая ее к полу. В стороне вытекала заварка из чайника. А по доскам веранды застучали пули. Недолго. И совсем негромко. Даже на соседней улице не подумают, что это – выстрелы. Глушители, черти б их съели! Автоматная очередь полоснула – и стихла. Но высываться Костя не торопился.

– Лежи, – шепнул он Але на ухо. А сам протянул руку и сдернул со стола скатерть, досадуя, что оставил оружие в тайничке дома. Больше он такой ошибки не совершит!

Где этот нож, черт его дери?! Да, ножом против огнестрела не многое сделаешь в такой ситуации, но все не даром жизнь продать!

Мотоцикл взревел – и начал удаляться.

Нож нашелся быстро. И он рискнул подползти к ближайшей щели между досками. Никого не было. Аля начала приподниматься, но он резко махнул рукой, приказывая лечь и не

двигаться. Надо бы отправить ее в дом, но дверь располагалась слишком неудобно и простреливалась минимум с двух позиций.

А потом скрипнула калитка.

Добивать? Посмотрим...

Но вместо этого раздались испуганные голоса.

– Константин Савельевич, с вами все в порядке?! Это Антон! И Дмитрий! Мы от Валентина, помните нас?

Он помнил эти голоса. И рискнул приподняться. Немного. Но ему хватило. Этих людей он тоже помнил. То есть не-людей. Обратней.

– Проходите. Где – те?

– Уехали. За ними погнались наши. Как вы?

– В порядке. Мы оба в порядке, – проворчал Костя, поднимаясь – и поднимая с пола Алю, которая дрожала, как испуганная лошадка. – Пройдите в дом и разьясните, что происходит! И вызовите сюда врача, наконец!

– Не надо врача, – отмахнулся Антон. – Мы попросим приехать одного из специалистов Мечислава. Они работают лучше любого успокоительного.

– И когда ждать «специалиста»?

Костя отлично понял, кого подразумевают под этим словом.

– Через полчаса. Как свечерет.

– Вот через полчаса я с вами и поговорю, – отрезал он. – И с ним – тоже. Алечка, все кончилось. Пойдем, я уложу тебя в кровать. Мы живы, все в порядке...

Аля вцепилась в него, как в спасательный круг.

– Костя, что случилось?! Что происходит?! Почему в нас стреляли?!

Костя кое-как довел ее до спальни, помог раздеться и уложил на кровать. Накапал настойку пустырника... И все это время отделялся пустыми словами. Стреляли. По делам бизнеса. Бывает. Больше это не повторится.

Это заняло кое-какое время. И он ужасно обрадовался, услышав за окном шум машины. А увидев «специалиста», обрадовался еще больше. Этого вампира он знал. Светловолосый, обманчиво безмятежный и дурашливый, Вадим был той еще заразой – не хуже своего шефа. Что и доказал тут же.

Уселся на кровать к Але, приобнял ее за плечи – и заворковал самым проникновенным голосом, глядя в глаза:

– А что тут случилось? Из-за чего такая красивая женщина так переживает? Это портит цвет лица! И нервную систему! И вообще – такая очаровательная леди должна думать только о цветах...

Костя отвернулся, чтобы не фыркнуть. На него это все не действовало. Но Аля заметно расслаблялась. И он готов был поклясться – к концу сеанса она и не вспомнит о стрельбе. А если и будет помнить, то только как об эпизоде из боевика.

Сеанс психотерапии в исполнении вампира! Спешите видеть! И наслаждаться результатом! Пролечат лучше любого экстрасенса. Если всю кровь раньше не выпьют!

Еще через час, когда Аля спала, он сидел с Вадимом на веранде.

– Куда вляпалась Юля?

– Мы пока еще сами не знаем. Константин Савельевич, вам бы лучше уехать на недельку.

Костя промолчал. Взгляда типа «Ты. Что. Мне. Предлагаешь. Тварь?» вполне хватило. Но Вадима взглядами было не пронять.

– О Юле позаботятся. Более чем. И ее не тронут ни при каких раскладах. А вот вас... Как вы собираетесь объяснять жене следующее покушение?

– Думаешь, оно будет?

– Уверен.

Костя вздохнул.

– Я могу отправить Алю. А сам...

– Не надо. Ей будет проще – одной. Когда боишься только за себя.

– А еще это подталкивает ее к твоему шефу, – закончил невысказанную мысль Константин. И чуть улыбнулся.

Вадим улыбнулся в ответ.

– Моя бы воля – они бы давно были вместе. Просто... есть у меня такое ощущение, что вашей внучке нужны трудности. Просто так она его любить не будет. И все тут.

– Мы легких путей не ищем, – хмыкнул Костя. – Но это – пусть они сами разберутся. Меня интересует другое. Кто мог на меня покушаться? На меня и Алю? И зачем?

– Пока не знаю. Догнать стрелков не удалось, – признался Вадим. – Это были оборотни. И не из наших.

– Та-ак...

– Да. Поэтому я прошу вас – уезжайте на недельку куда-нибудь. Охрану мы обеспечим.

А Юле будет...

– Одним словом – будет спокойнее, – отмахнулся Константин. – Аля ничего не вспомнит?

– Не должна. Вы ведь не одной крови. А *силы* в ней нет. Вашей, видимо – фамильной.

Дано же вашему роду! Почему вы не хотите стать вампиром?

Этот вопрос Костя уже слышал раза три. От Мечислава, еще от нескольких зубастиков... и отвечал всегда одинаково.

– Потому что я хочу умереть человеком.

А еще – Косте чертовски не нравилось быть старым. Как ни крути – но возраст. Ему отпущено еще лет пять-десять. А потом – все. И хорошо, если удастся умереть в один миг. А если он превратится в развалину?

Кто знает...

А становиться вампиром и продлевать эту старость на несчетное количество лет? Где были эти зубастики лет сорок-пятьдесят назад?! Тогда бы он согласился. А сейчас...

Ни за что. Вечная жизнь без Али, без родных и близких, или, что еще хуже – видеть, как они стареют и умирают на его глазах, а он остается таким же молодым и сильным... То есть старым и вампиром...

Увольте! И объяснять все это – тоже.

– Это вы и так бы получили, – огрызнулся Вадим.

– А еще кучу проблем на свою голову. Нет уж. Увольте. Мне и в бизнесе гадюшника хватает, чтобы я еще в ваш лез.

– Тогда возьмите отпуск на недельку, чтобы наш гадюшник сам к вам не пришел.

Костя вздохнул.

– Да пропадите вы пропадом! Ладно! Съездим с Алей на Селигер. Давно хотели!

– Прекрасно. Я еще пошлю шесть оборотней с вами.

– Но если с Юлей что-нибудь случится...

– Вы до меня все равно не доберетесь. Мне Мечислав голову оторвет.

Костя неприятно улыбнулся.

– А я – руки и ноги. Где там был мой сотовый?

– Родственники, – проворчал Вадим, подавая ему сотовый, улетевший в один из углов. – Теперь мне ясно, от кого Юлька нахваталась...

* * *

Вампир на кровати выглядел абсолютнодохлым. Вот в абсолюте.

Я мечтательно вздохнула. Какой же Мечислав хороший, когда мертвый! Вот когда он оживает, начинает говорить, двигаться, распускать руки – мне его хочется прибить. А пока он лежит, как и всякий порядочный труп – прелесть, лапочка и обаяшка!

Весь такой расслабленный, лежит под тонкой черной простыней, черные локоны рассыпаны по плечам и почти сливаются с черным шелком наволочки, медовая кожа словно светится изнутри в полумраке, черные ресницы... блин! Ну вот зачем мужчинам такие шикарные ресницы?! Так и тянет оторвать и себе приклеить! Стены тоже оклеены черными обоями. И в полумраке вампир кажется парящим над кроватью.

Жаль, что я не писатель. А то села бы и наваяла нетленку! Черной-черной ночью, в черной-черной комнате, на черной-черной кровати лежал вампир с черными-черными ресницами...

А потом он проснулся и стал кусаться, как последняя... лапочка!

Лапочка шевельнулась и открыла глаза.

Занятая своими мыслями, я просто прозевала момент пробуждения Мечислава.

А вот он – ничего не прозевал. Оказывается, вампиры осознают мир с самого первого момента. И не тратят время на то, чтобы потянуться, почесаться, распросониться...

Зеленые глаза блеснули хищным огоньком.

– Пушистик? Неужели ты решила составить мне компанию? Ты сегодня просто очаровательна. Как приятно видеть тебя, открывая глаза.

– Нам надо было поговорить. И чем скорее, тем лучше, – вздохнула я, привычно пропуская всю эту чушь мимо ушей. А так сложно это сделать... Особенно когда чушь говорится таким мурлычущим возбуждающим тоном, таким нежным и ласковым, словно растопленный мед, текущий по твоей коже...

– Я тебя внимательно слушаю, сокровище мое...

Вампир улыбнулся так, что мне ужасно захотелось нырнуть к нему под простыню и устроиться рядом. Но – нельзя. Надо думать о чем-нибудь приятном. Об осине, серебре и вообще – святая вода – это замечательная вещь!

– У меня не было другого выхода, – огрызнулась я, подавляя усилием воли все мысли о том, что единственная преграда, которая нас разделяет, может быть убрана взмахом руки. И вообще, зачем эта простыня нужна? Чего я там не видела после вчерашнего... приятно же посмотреть на красивого мужчину, как и на произведения искусства. Никто же не надевает на «Давида» Микеланджело штаны? Или хотя бы набедренную повязку.

Так. А симптомы печальные. Раньше я не то что простыню подумала приподнять – я бы еще сверху и одеяло набросила.

– Моя бы воля, я б тебя еще часа три не видела, но нам НАДО поговорить. И чем скорее, тем лучше. У нас серьезные проблемы!

– Что именно случилось? – Мечислав приподнялся на локтях. Простыня сползла еще ниже.

Я героически отвела взгляд в сторону и стала думать о Боге. Помогало плохо.

– Случилось. Сегодня меня вызвал Рокин. Помнишь такого?

– ИПФовец?

– Да. Тот, кто убил Лаврика, совершил второе жертвоприношение.

С лица вампира тут же исчезла вся игривость. Зеленые глаза блеснули жестким холодом.

– Рассказывай подробно.

Я потерла лоб.

– Давай я с самого начала?

– Это – откуда?

– Ну уж не от Адама, Евы и Ветхого Завета. Всего лишь от того момента, как ты послал меня на это идиотское открытие стройки.

– Согласен, открытие стройки – это звучит глупо. Звучание – это все, что тебя там не устроило?

Вампир как в воду глядел. Я скривилась и помотала головой.

– Если бы! Там был полный кошмар! Я вчера хотела рассказать, но из-за этого Альфонса...

– Что именно там произошло? – коротко спросил вампир. Оправдания его не интересовали.

Я честно выложила все. И про кляксы. И про щит. И про то, как лечила оборотня, пораженного этой заразой. И про сегодняшние кляксы. Для меня связь между двумя убийствами и этим вскрытием старых камней была вполне доказана. Неясно было другое – что оттуда вырвалось, кто является носителем этого «чего-то» и как это выяснить.

Мечислав тоже пребывал в размышлениях.

– А ИПФовцы тебе еще ничего не прислали?

– Нет.

– Когда пришлют – я должен узнать об этом первым.

Я пожала плечами.

– Узнаешь. А проку? Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем этот тип совершит еще одно убийство?

– Полагаю, день. Чуть меньше, чуть больше. Он явно торопится. Юля, ты не хочешь прокатиться в гостиницу?

– Зачем?

– Ты собиралась вчера, не помнишь?

– А ты все-таки думаешь, это кто-то приезжий? Не знаю. Лаврик – да, мало где бывал, кроме гостиницы. А вот Тихвинская наоборот – я не могу представить, что бы связывало ее с гостиницей. Ей там решительно было нечего делать!

– А где она могла пересечься с Лавриком?

– На этом идиотском мероприятии. Я там ее видела.

– Это нам не поможет. Там было слишком много народа.

– Я сильно подозреваю, что нам никто и ничто кроме нас не поможет. Кстати, надо куда-нибудь определить Шарля на время, которое я пробуду здесь. А то он во дворе, в машине у Валентина ждет. Вместе с Настей.

– Как себя чувствует твоя новая игрушка?

Я аж зашипела от возмущения. Игрушка?! Гад!

– Он – не игрушка, а живой человек. И ему так же плохо, больно и тошно. И встречаться с вашим глав-садистом из Испании ему вовсе не нужно.

Мечислав смотрел на меня очень серьезно и грустно.

– Ты и правда надеешься, что сможешь отстоять его?

– Я попробую.

– Альфонсо сделает все, чтобы получить его обратно. И тебя тоже – для личной мести. Он никогда не забудет и не простит того, что ты с ним сделала.

Я криво улыбнулась. А я-то надеялась, что у Альфонсо от ужаса всю память отшибет! Блин!

Мне и так было ясно все, что следовало из вчерашней драки. А именно – будет еще и завтрашняя. Хорошо если сегодня без склок обойдется! Но вряд ли.

Альфонсо никогда мне не простит своего поражения на глазах у остальных вампиров.

Никогда.

А если я ошибаюсь – пора идти в монастырь записываться!

– Я набираю врагов с рекордной скоростью. А если серьезно – вчера мы поговорить не успели. У вас это нормально – прийти в чужой дом и начать гнуть пальцы?

– Нет.

Несколько секунд я ждала, пока Мечислав проведет среди меня разъяснительную работу о том, как вампиры в гости ходят, но не дождалась.

– И все, что ты имеешь сказать? С чего этот козел попер на нас бульдозером?

– Знать бы. Обычно, когда я с ним общался, он потрясающе вежлив. И чем более он вежлив, тем страшнее.

– Хочешь сказать, он хамил и убивал, чтобы нас не напугать ненароком? Смеяться уже можно? – Мечислав и сам понимал, что звучит неубедительно. – У него были свои причины. Но какие?

– Если он хотел нас спровоцировать и посмотреть, чего ты стоишь – то все укладывается в схему, – спокойно припечатал вампир.

Я охнула.

– Вот это попадалово!

– Да. Все, что он хотел увидеть, он увидел. И я плохо представляю, как дело пойдет теперь.

Я прикусила нижнюю губу.

– А дело пойдет, куда я захочу! Что им еще надо? Настю? Пусть обследуют под моим строгим контролем! Меня? Пусть рискнут. Шарля? Я тебе так скажу – в ИПФ будут рады получить такого симпатичного вампира, как Альфонсо, в свое распоряжение. А я и секунды не потрачу на угрызения совести. Сам виноват, сволочь такая.

– Ты серьезно про ИПФ?

– А ты как думаешь? Вчера я сглупила, но такое зрелище, как Шарль... а до того еще и выезд на труп.

– Это слишком много для обычного человека. И для тебя пока тоже.

– Вот. Смотрим. Думаешь, этот член Совета просто утрется – и отвалит?

Судя по лицу Мечислава – он тоже не верил в чудеса.

– Не отвалит. Но и ИПФ – не выход. Нас начнут трясти, как грушу, рано или поздно кто-нибудь докопается. И вообще – убийство члена Совета на моей территории – это моя вина.

– Значит, надо его вывезти за город и прикончить там. Неважно! Для полной безопасности я буду сотрудничать только с Рокиным – и анонимно. Думаешь, у твоего Совета есть связи в местном отделении ИПФ?

Мечислав отрицательно покачал головой.

– Этого точно нету.

– Тогда... ИПФ – и никаких гвоздей.

– Когда ты хочешь с ними связаться?

– Посмотрю на его поведение сегодня. Либо завтра, либо послезавтра. Как придумаю что-нибудь хорошее, так сразу. Надо просто его сдать, не подставляя под удар наших людей. И вообще, нет вампира – нет проблемы. Или тебе этот Альфонсо дорог, как память Испании? Фламенко, кастаньеты, тореадоры, нетрадиционные увлечения матадорами?

– Стерва. Ты вырастаешь в настоящую стерву, Юля.

Я фыркнула.

– А был бы ты генерал, была бы я генеральшей.

Мечислав был настолько расстроен, что даже не бросил никаких намеков на эту тему.

– Позови сюда Леонида. Я поговорю с ним – и съездите завтра в гостиницу к Досе и ее продюсеру. Пригласи их еще раз на выступление.

– А позвонить слабо?

– Позвонить не слабо. Но я все-таки хочу, чтобы ты огляделась в гостинице.

– Хорошо. Сейчас позову Леньку – и даже прокачусь с ветерком. Но лучше завтра днем, а не утром. Выходной, мне в институт не надо, опять же, кто там утром будет виден, все по номерам сидят...

– Ладно. Завтра днем. Только будь осторожнее.

– Я, знаешь ли, не самоубийца. Буду.

– Кстати, а тебе обязательно спешить? Может, останешься ненадолго?

Мечислав потянулся. Нарочито медленно и чувственно, грациозно и вальяжно, как огромный черный хищный кот. Под тонкой тканью простыни рельефно обозначились все контуры его тела. Сильные, красивые линии... Если бы я была скульптором...

– Если бы ты была скульптором, Пушистик? – заинтересовался Мечислав.

Я сказала это вслух? Что ж... Я облизнула внезапно пересохшие губы.

– Если бы я была скульптором, я бы обязательно... приложила тебя по голове мраморной плитой! Под ней и закопали бы!

И вылетела из комнаты.

Гад!

* * *

Мечислав довольно улыбнулся.

Все шло... пусть не по плану. Но не так уж и плохо.

Минусы.

Оскорбленный Альфонсо да Силва пока еще в городе.

И где-то здесь орудует маньяк.

Плюсы.

Альфонсо да Силва так качественно получил по рогам вчера, что сегодня будет паинькой. Завтра – уже нет. Но за эту ночь можно ручаться смело.

Еще один плюс. Юля. А именно новая грань ее силы. Да, неуправляемая. Да, непредсказуемая. Но прогресс – это всегда хорошо. Авань, в трудную минуту эта ее способность не откажет.

А в общем-то пока все ее способности прекрасно укладываются в одну канву. Чтение ауры и манипуляции с ней. И – все. Остальное у нее скорее всего от Печатей и от Даниэля. Но даже не будь у нее способностей от Даниэля – все равно, хороший манипулятор аурами способен на многое. Ведь как аура отражает состояние человека, так и состояние ауры отражается на человеке. Интересно, у Альфонсо уже стигматы прошли?

И хорошо другое.

Общий враг их сближает. Сильно сближает.

И чем страшнее враг – тем лучше.

Уже вчера Юля почти не шарахалась от него. А сегодня – сегодня она пришла к нему!

Пришла в спальню!

Сама пришла! Добровольно!

И в первую минуту, открыв глаза, Мечислав едва удержался от произвольного жеста.

Схватить свою женщину в охапку, затащить под одеяло – и не выпускать часа два! А лучше – четыре!

Свою женщину.

Как ни крути, но Юля ему намного больше, чем жена. Она его фамилляр.

А для вампиров это – вторая половинка. Он не лгал ей. Ни капли не лгал тогда, в коридоре.

Но если его женщине так хочется изображать гордость и независимость – он предоставит ей такую возможность.

Пока.

Все равно она никуда от него не денется!

Дайте только время.

А пока можно и поразвлечься с другими. Что Юля не знает, то ей и не повредит.

Или лучше пока подождать?

Да, Юля в жизни не покажет, что его ревнует. Но ревновать-то будет! И злиться тоже...

Лучше, пока Альфонсо здесь – не раздражать ее. Просто подкормиться на ком-нибудь.

И хватит.

А после легкого завтрака – уделить время Юле.

Чем скорее она согласится признать неизбежное, тем лучше.

Мечислав в жизни не признался бы, но его жутко раздражала Юлина привычка строить между ними стены и границы. Ну глупость же! Как будто голова с одной стороны Берлинской стены, а ноги – с другой!

Смешно!

Злит!

Раздражает!

И в конце концов, ну сколько можно сопротивляться?!

Мечислав понял бы, если бы Юля играла. Набивала себе цену. Старалась продать себя подороже! Это было в его жизни – и часто. Но в том-то и дело, что Юля была абсолютно честна с ним. И просто старалась держаться подальше.

Ну да ладно. Сейчас вызвать себе кого-нибудь позавтракать, а потом...

В комнату зашел Вадим. Без стука.

– Шеф, привет. Есть проблемы.

Мечислав выпрямился на кровати. Завтрак подождет.

– Докладывай.

* * *

У меня зазвонил телефон.

– Привет? – отозвалась я.

– Привет, мелкая. Как дела?

– Дед, будешь звать меня мелкой – буду звать тебя патриархом, – обиделась я.

– Ты мне сперва нарожай штук сорок отпрысков для такого статуса, – отбрил дед. – Мы тут с твоей мамой решили съездить на Селигер. Поедешь с нами?

Я выдохнула. Как же вовремя! Как вовремя! Слава всем богам оптом!

– Нет. Но вы поезжайте. Вы надолго?

– На неделю, на две... не больше. Ты точно не поедешь?

– Мне хвосты досдавать надо, – напомнила я.

– Это верно. Провожать нас придешь?

– А когда?

– В девять утра, завтра.

Я замялась.

– Дед, меня тут Мечислав припахал на всю ночь...

– Надеюсь, в чисто деловых целях?

– Разумеется!

– Тогда ладно. Можешь с утра отсыпаться! Но чтобы каждый день звонила. Ясно?

– Ясно. А чего вас сейчас сорвало?

– Да приятель позвонил – и замучил рассказами. А в бизнесе пока затишье. Погода хорошая, надо ловить момент.

– Это верно. Ладно. Буду звонить. Обещаю.
– Забудешь, приеду – выдеру, как сидорову козу.
– Не забуду. Обещаю, – поклялась я со спокойствием человека, который не увидит под ударом своих родных и любимых.
– Тогда – пока. Завтра звякну, – пообещал дед. – А то ты, поганка мелкая, наверняка забудешь обо всем с этими вампирами.

И отключился.

Я вздохнула.

Слава Богу!

Вот в такие моменты я и понимаю: ОН – есть! Теперь я могу не беспокоиться за своих родных. А это стоит дороже всех царств планеты.

Что мне теперь Альфонсо? Плюнем – и разотрем!

И я поскакала одеваться для торжественного выхода.

* * *

Примерно в это же время, в одной из маленьких комнатешек подземного этажа клуба...

– Сколько еще ждать? Альфонсо приехал! А ты ничего не говоришь!

– Ждать практически уже не надо. Если все будет так, как я планирую, то завтра вечером...

– Завтра?! Ура!

– Не ори! Нас не должны слышать. Или видеть вместе!

– Даже если и увидят – что тут такого страшного? У нас могут быть и личные дела...

– А у Вадима – приступ паранойи. Сейчас он и себе, по-моему, не доверяет!

– Он никому не доверяет. Верный пес этой зеленоглазой мрази! Я надеюсь, ты его тоже убьешь?

– Разумеется. Иначе он уничтожит нас. Рано или поздно, но он обязательно отомстит.

– А Борис?

– Этот не страшен. Он сейчас в Туле, когда все завертится, будет поздно приезжать сюда. Он будет там совершенно один. И обязательно найдется какой-нибудь ивановский выкормыш, который захочет стать Князем Тулы.

– А мы ему поможем?

– Я бы с удовольствием помог Рудольфо.

– Так почему бы и нет? Я могу поговорить с ним сегодня!

– Нет уж. Лучше я сам.

– Тебя могут увидеть. А меня никто не примет всерьез.

– Тоже верно. Хорошо. Поговори – и сегодня расскажешь мне, чего ждать.

– Обязательно.

– И готовься. Завтра вечером...

– И что же такое произойдет завтра вечером?

Тихий голос хлестнул заговорщиков, страшнее всякой плети.

– Ты?!

– Вы?!

– Я. Вы удивлены?

– Да, – честно признался один из заговорщиков. – Я не ожидал, что вы узнаете...

– Я – узнал. Я сам учил тебя – опасно недооценивать противника, не так ли? Ты плохо усвоил урок...

– Достаточно, чтобы вы отсюда не вышли – если решитесь причинить нам вред.

– Хочешь сказать, для тебя ценна вот эта...

– Не смейте меня оскорблять!

– Молчать...

Слово было сказано на порядок ниже, но произнесший его голос – холодный, бешеный, словно резанул ножом по нервам присутствующих в комнате.

– Я не позволял тебе говорить. Мечислав слишком распустил вас – под моей рукой вы знали бы только два слова «Да, господин...». И мгновенно повиновались.

Заговорщики промолчали.

– Так вот. Это Мечислав мог проглядеть гадюк у себя под носом. Я такой слепотой не страдаю. Рассказывайте.

Холодный голос растворял в себе волю и разум. Подчинял. Приказывал. Гнул в дугу. Вампиры – не являются свободными существами и без этого. Они жизнью приучены подчиняться. Своему Креатору. Протектору. Князю города. Совету Вампиров. Эту заразу можно вытравить, но сколько времени требуется для такого простого действия...

Не одно столетие свободы. А кто даст свободу – рабам?

И вампир ничуть не удивился, услышав покорное:

– Да, господин, – произнесенное на два голоса.

Он слушал достаточно долго. А потом кивнул.

– Хорошо. Я помогу вам людьми. И кое-чем еще. Но в обмен вы сделаете для меня вот что...

Инструктаж был коротким и четким. Потом вампир вышел из комнаты – и двое остались там наедине. Густая, словно обволакивающая смолой тишина разбилась через несколько минут...

– Нам придется подчиняться ему?

– Пока – да. Тем более, сейчас наши цели совпадают. Но только сейчас...

– А потом?

– У меня есть одна идея...

* * *

Этого разговора я мечтала избежать. Я бы и убежала. Нельзя. Послав Леньку к Мечиславу, я направилась к Славкиной комнате. Братец обнаружился именно там. Лежал на кровати и мрачно глядел в телевизор. На экране шло какое-то глупое ток-шоу.

На скрип двери братец чуть скосил глаза – и тут же состроил такую рожу, словно я пришла ему клизму ставить.

– Чего надо?

– Шоколаду. Как ты себя чувствуешь?

– Жить буду. Я теперь живучий.

По тону братца было ясно – провалилась бы я сквозь пол – он бы только обрадовался. Но – не дождется.

– И я этому рада.

– Да неужели? – Славка мне явно не верил. – Если бы этот испано-натурале меня грохнул, ты бы только порадовалась!

Честное слово, я шла сюда не ругаться. Но раз уж так получилось – почему я должна спускать братцу откровенное и мерзкое хамство? Или лучше сказать – бывшему братцу?!

Всегда было интересно, меняется ли у оборотней ДНК-код? Такое поле для исследований пропадает непаханым!

– Действительно, проблем с тобой было бы меньше. А вот с ним – больше. Мне бы пришлось ему мстить, потом расхлебывать дело с Советом вампиров, короче – ты того не стоишь, – откровенно высказалась я.

- Вот спасибо, утешила... с-с-сестренка.
- Я тебя утешать не нанималась.
- А чего приперлась?

Очень захотелось приложить братца лампой – чтобы неделю зубы выращивал. Но – нельзя.

- Пришла сказать спасибо. Ты меня все-таки защищал...
- Если бы этот козел тебя грохнул, мы бы все под него легли. Так что не стоит благодарности. Твой зубастый – не самый худший вариант.
- А я и не благодарю. Я просто сказала, что я теперь тебе должна. Немного, но все-таки.

Так что запомни.

- Запомню. Иди отсюда, а?

Второй раз упрашивать меня не надо было. Я встала и вышла.

За дверью что-то разбилось. Но возвращаться и спрашивать, что и как, я не стала. У меня впереди еще тяжелая ночь.

* * *

- В Юлиных родных стреляли?! Вадим, какого черта?!

Вадим успокаивающе поднял руки ладонями вверх.

- Шеф, спокойно. Все целы. Все живы. Никто даже палец не прищемил.

- Их закидывали спелыми абрикосами?

– Почему? – оторопел Вадим. И вдруг подумал, что Мечислав становится в чем-то похож на своего фамильяра. Раньше бы он гневался, а не язвил. А сейчас в зеленых глазах плясали ядовитые искорки.

- Потому что в противном случае кто-нибудь, но пострадал бы.

– Им повезло. И Константин Савельевич даром, что не оборотень, успел увернуться от выстрелов.

Мечислав поднял брови.

- Ничего не понимаю. Вадим, ты говоришь, что их просто обстреляли – и умчались?

- В общем, да. Антон говорит, что один стрелок хотел было зайти в дом, но...

- Что – но? А где они в это время были?

– При первых же признаках опасности они поспешили на помощь. К сожалению, они не могли постоянно находиться рядом с объектами, а из-за особенностей дачного поселка, и им еще очень повезло, – расположились практически рядом, через два участка. Поэтому успели вовремя, и все-таки обошлось без жертв.

- Ясно.

– Между нападением – и их появлением прошло не больше трех минут. На них не стоит сердиться.

- Это мне решать.

Вадим склонил голову, типа «слушаюсь и повинуюсь», но повиновения в голубых глазах и на грош не было. Зато были озабоченность и настороженность.

– Как только нападающие удрали – оборотни вызвали меня. Юлина мать была в истерике. Пришлось чуть подчистить ей память.

- Надеюсь, ты был достаточно осторожен?

Вадим кивнул. Игры с памятью ничем хорошим не кончаются. И если гипнотизер неопытен, он может довести своего клиента до сумасшествия. Поэтому Вадим не стирал у нее никаких воспоминаний. Просто Аля теперь считала, что на соседней улице мальчишки баловались с хлопучками, а она от неожиданности упала и расколотила часть посуды. А обстрел превратился в сцену из недавно просмотренного фильма. Вот и все.

Манипуляции с сознанием вообще были частью вампирской силы. Кому-то они давались легче, кому-то тяжелее. Но на Вадима Мечислав мог положиться. Несмотря на видимое разгильдяйство, Вадим был очень внимателен к мелочам. Просто старался этого не показывать. Пусть лучше его недооценивают!

Его и недооценивали. Некоторые – до самой смерти. От несчастного случая.

Губы Мечислава тронула насмешливая улыбка. И если бы Юля видела его сейчас – она стала бы лучше относиться к вампиру. Не было в нем ничего сексуального. На кровати сидел опасный дикий зверь. Волк? Или огромный хищный кот? А, неважно. Важно было другое – хищник был зол, голоден и весьма опасен. Но эту сторону своей души Мечислав позволял видеть очень немногим. Как и Вадим, он предпочитал, чтобы его недооценивали. И так же – до самой смерти.

– Надо выделить им охрану.

– Я распорядился. Но охраны потребуется не так много. Они собираются уехать на пару недель.

– Твоя идея?

– Да. Юле проще будет, если не придется беспокоиться о своих родных.

– Да. Это ты правильно сделал. Я только не понимаю, чего они хотели добиться.

– Заказчик покушения?

– Безусловно.

– Вариантов два. Либо смерть ее деда и матери, либо предупреждение и угроза.

– А это было похоже на угрозу?

Вадим задумался. А потом покачал головой.

– Не будь Леоверенский настолько быстр, их бы просто полоснули автоматной очередью в упор. Не будь рядом нашей охраны – их бы проверили и постарались добить. А если бы знали про охрану – и их бы могли ликвидировать. Я отправлю с ними охрану. Но когда они приедут, надо будет либо усилить ее, либо... ну это мы потом подумаем ладно, шеф?

Мечислав кивнул.

– Безусловно. Но вернемся к покушению на убийство. Опять-таки, зачем? Угроза? Предупреждение? Дестабилизация?

– Добавь еще месть, ревность, злость, – продолжил Вадим. – А еще – это могли быть и ИПФовцы. Чтобы Юля бросилась к ним за помощью. Потом ей предъявят нанятых нами убийц – и вуаля!

– Чушь говоришь, – поморщился вампир. – Она умеет читать ауры. И ложь тоже распознает.

– И давно она об этом доложила ИПФ?

Мечислав грохнул кулаком по прикроватной тумбочке. Тумбочка жалобно сказала «хруп» – и села на брюхо. Что поделать. В борьбе между дубом и вампиром побеждает обычно вампир. Если он – умнее.

– Суки, б...

Короткая и чрезвычайно образная речь вампира по поводу ИПФ была насыщена метафорами и гиперболами, и позволяла узнать историю их возникновения в самых интимных подробностях.

Но монолог длился недолго.

– ...слишком уж глупо это покушение, – закончил Мечислав и откинулся на кресло.

– Разве? – поднял брови Вадим.

Мечислав покачал головой.

– Ты знаешь Юлю. А я ее чувствую. Если бы что-то случилось с ее родными – она бы жестоко отомстила. Факт. Потом год рыдала и страдала, сидя на диване. А потом вышла бы

из своего заточения – и плакали бы уже все остальные. Мне вот иногда волком выть хочется – когда она в очередной раз вспоминает про Даниэля.

– Ей тоже.

– Черт бы его побрал! Знаешь, если бы он не умер, через два месяца эта «любоффф» сошла бы, как весенний снег под солнцем.

Вадим не был в этом так уверен, но на всякий случай кивнул.

– Безусловно.

– Но мертвых намного легче любить, чем живых. Те – идеальны. А живые – реальны. И обладают кучей недостатков.

– Положим, Даниэля и при жизни любили многие.

Вампир сверкнул зелеными глазами – и Вадим заткнулся. Не время бороться за правду.

– Дело не в этом. Вернемся к покушению.

– Альфонсо – мог? За Шарля?

Мечислав покачал головой.

– Глупо. Он надеется вернуть его назад. Зачем ему настраивать против себя ценный источник силы?

– Годвин? Глория?

– В качестве мести – могли. Но нужны сообщники.

– И они могли быть! Мы уже раз прокололись с Кларой. Подумали – пади...

– Да уж. Ладно. Их – проверить. Комнаты – обыскать. Сотовые проглядеть, заказать распечатку звонков... ты понял.

– Да, шеф.

– Кто еще?

– Кто угодно. Из тех, кто знает, что... Черт! Шеф, смотри! Юлькиных родных расстреливают! Она – в шоке и соплях. И не может оказать тебе никакой поддержки. Следующим шагом – удар по тебе!

– Их не расстреляли.

– Но покушаться могут. А Юлька потом отходит победителю. Вся такая безутешная. И он старается вытереть ей сопельки. Возможно?

– Вполне. Только вот кому нужна эта власть?

– Рудольфо? Он ведь так и не уехал.

– Черт! Проверь его! Действительно, зачем далеко идти до Тулы, если можно что-то получить здесь? Альфонсо отдаст ему и трон Князя, и Юльку, да и вообще – многое, в обмен на возвращение Шарля.

– М-да. Чем дальше в лес, тем больше бурелома...

– Вот именно.

Вампиры задумались. Ненадолго. Итог подвел Мечислав.

– Ладно. Мне пора одеваться для торжественного выхода. На тебе – организация охраны.

И Эдуард еще не приехал?

– Обещал завтра.

– Гад! Можно подумать, это мне нужна эта идиотская Тула!

– Да он уж лет пятьсот как гад. И что? Ему это не мешает.

– Это мешает – мне! Позвони ему еще раз и напомни, чтобы поторапливался. Дольше одного дня я Рудольфо не удержу. А если Альфонсо даст ему свое согласие... придется терпеть в соседях этого глиста!

Вадим проказливо улыбнулся, становясь из начальник службы безопасности обычным дурашливым мальчишкой.

– Да. В таком раскладе лучше гад!

– Ты задачу понял?

– Так точно, шеф.

– Вот и иди себе по-английски... пока по-русски не послали. И пришли мне кого-нибудь из оборотней.

– Сейчас будет.

Вадим вылетел из кабинета.

Мечислав дождался, пока захлопнется дверь, встал и потянулся всем телом, как здоровущий золотистый кугуар.

Весьма недовольный кугуар.

Ему ужасно не нравилось это покушение. Ему вообще не нравилось все происходящее. И больше всего он беспокоился за свою женщину. Ладно, за своего фамильяра. А почему бы и нет? Где он еще найдет такую занозу... то есть такой источник силы?

Она – уникальна. Но с нулевой военной подготовкой. И любой, кто пожелает обидеть Юлю, легко добьется своей цели. Стоит только вспомнить, как ее похитили в прошлый раз. Если бы не ИПФ... Безусловно, он отомстит. И страшно отомстит. Но толку будет – чуть.

А как обеспечить охраной женщину, которая в принципе не желает его слушаться?

Лучшим вариантом было бы просто приковать ее к себе наручниками, а днем запирать в одной комнате. До вечера. При мысли об этом Мечислав почувствовал приступ возбуждения и усмехнулся.

До чего он дошел! Как сопливый мальчишка!

Но как же заставить эту глупышку понять – игра идет всерьез?! И убивать ее тоже будут всерьез?! И не только ее, но и всех родных и даже друзей!

Черт побери!

Ладно. Он постарается поговорить с ней сегодня. Серьезно, обдуманно, взвешенно, приводя разумные доводы...

Вампир взглянул на часы – и отправился в душ. Предстояла тяжелая ночь.

* * *

Я отвела Шарля в кабинет к Мечиславу и лично проследила, чтобы ему принесли туда поднос с бутербродами.

– Посидишь здесь, подождешь меня, ладно? Приду – поедем домой.

Полудракоше явно было не по себе. Он оглядывался по сторонам и нервно ежился.

– Хозяин слишком близко.

– Он тебе не хозяин. Никаким боком. Был – и вышел. Ты теперь свободный человек, – повторила я в энный раз за последний день. – Пока не научишься жить самостоятельно – за тебя отвечаю я. Потом – сам разберешься. Здесь и сейчас ты только потому, что оставлять тебя одного и без охраны у меня дома – опасно. Если заглянут родные – это еще полбеды. А вот если Альфонсо решит устроить что-то типа: «так не доставайся ж ты никому» – будет намного хуже.

– Это тоже не страшно, – отмахнулся Шарль. – Нет, я уверен, что Альфонсо захочет вернуть меня в клетку. И насчет не-хозяина ты тоже не права.

– Подробности? – деловито спросила я.

– Он пил мою кровь. Я – его. Принудительно, но во мне есть несколько капель его крови.

– Сомневаюсь. Ты вполне живой. И любая чужеродная кровь будет переварена и рано или поздно выведена из твоего организма.

– Юля, эта не выведется. Это сродни Вампирским Печатам.

– Вот как?

Я поморщилась. Как мне не нравится эта паршивая метафизика! Вот все, все в этом мире можно бы объяснить с позиций строгой логики! Но не магию! Магия мне... доступна. Но!

Я пока сама толком не понимаю, что и как делаю. И как будем чистить Шарля? А чистить надо, если я правильно понимаю...

– Правильно. Но я сам не знаю – как. Единственный радикальный способ – это убить Альфонсо да Силва.

– Я что – опять вслух рассуждаю?

– Да.

– А радикальная чистка тебе поможет?

– От ЕГО Печатей – поможет.

– А от того вампира?

– Вот и оно-то... Либо чистить все, но мне неизвестно, как это возможно, либо даже не связываться.

Вопрос «не связываться» для меня не стоял. Я бы с удовольствием оторвала Альфонсо все, что можно, скудные остатки пропустила через соковыжималку, облила бензином – и подожгла. Не в силу моей природной жестокости. Нет. В силу закона равновесия. Око за око, челюсть за зуб. Недаром же говорят, кто старое помянет, тому глаз вон, кто забудет – тому оба.

И мучителям, палачам и фашистам в этом мире места нет. И быть не должно.

Но убить Альфонсо сейчас я не смогу. И так довольно проблем. Шарля бы отстоять...

Что я и сказала.

Шарль вздохнул, подошел ко мне и встал на колени.

– Ты что – с ума сошел?!

– Нет. Юля, я хочу тебе сказать вот что. Я благодарен тебе. Очень благодарен за твою попытку освободить меня. Если ничего не получится – я просто постараюсь умереть. Но ты не вини в этом себя.

– Хм... А ты себя-то слышишь? Или ты просто свин по натуре? – строго поинтересовалась я.

Шарль на миг опешил. Пришлось растолковать.

– Если я не смогу вытащить тебя – подыхать будем вместе. Потому что я все равно себя потом сожру. Я не смогу жить с таким грузом на совести. У нас есть только один выход – освободить тебя. И я все для этого сделаю. Пока я жива – я буду бороться. Ясно тебе, хвостатый? И встань, наконец. Хватит полы протирать!

Шарль покачал головой.

– Я не могу тебя понять. Но я благодарен тебе. За все – благодарен.

– Вот и ладненько, – отмахнулась я от благодарности. – Из окна выпрыгивать не будешь?

– Нет.

– А в вены острыми железяками тыкать?

Шарль невольно улыбнулся. Фиалковые глаза засветились теплом.

– Не буду. Обещаю. Пока ты жива – не буду.

– Умничка. А говорят рептилии – глупые, – резюмировала я.

– Неправда, – обиделся Шарль. – Ты просто не пыталась их дрессировать!

Ну да. И готовить – тоже. Да и кого у нас тут можно приспособить? Гадюк? Ужей? Медянок? Фрикасе из гадюки, салат с медянкой, дрессированный уж... брррр...

– О чем разговор, господи и дамы?

Я чуть не застонала. Мечислав, как всегда, явился в самый неподходящий момент. Я сижу, Шарль стоит передо мной на коленях и держит за руки. Вот что тут можно подумать?

Не знаю. Но Мечислав не задержался с колкостью.

– Что, предложение руки и сердца делаем? Юля, ты уже согласилась?

– Да, мы решили первого ребенка назвать Мечиком, а второго Славиком, – ехидно ответила я.

Мечислав сверкнул на меня прищуренными глазами. Вот сейчас никто и ни за что не назвал бы его сексуальным. Вроде бы все то же самое. Снежно-белая рубашка, черные брюки, заколка с черным камнем на перекинутых вперед волосах. Как обычно – воротник рубашки расстегнут, а заодно и пара пуговиц пониже – не скрывать же красоту от людей? И гладкая золотистая кожа отликает смуглым тоном на фоне кипенно-белой ткани. Брюки так же облегают бедра. Все вещи Мечислава явно сделаны только для этого конкретного вампира и стоят столько, что можно нашего ректора купить. С потрохами и за треть суммы. И все же, все же...

Насколько этот вампир управляет и собой и окружающими!

Его внешность – это такое же оружие, как и сексуальность. И спрятанный где-нибудь в укромном месте нож. А то и не один. Раньше я этого просто не замечала. Видела только внешнюю оболочку. Или просто то, что мне показывали. Очаровательного, сексуального – и тем же озабоченного мужчину, обожающего эксклюзивные шмотки. Мужчину, для которого красота и секс – главное в жизни.

Вроде все так и сейчас.

Но!

Чуть другое выражение лица. Иной прищур глаз. Разворот плеч. Улыбка. Сама поза – упор на обе ноги, легкий наклон вперед, чуть повернутые ладони – и неожиданно понимаешь, что перед тобой ягуар, который сейчас прыгнет. И хорошо бы – тебе не на спину! Хотя и на голову – радости мало.

Это – маска? Маска воина?

Или маска – то, что мне демонстрировалось раньше? До того, как мы сцепились с Рамиресом и Иваном Тульским? До того, как Мечислав понял – я пойду на все, лишь бы больше не погиб никто из наших людей.

Да. наших людей. Как ни крути.

Первый шаг сделал сам Мечислав – когда привел в этот город с собой Бориса и Вадима. А я один раз спасла им жизни. И стала воспринимать... Как?!

Мы в ответе за тех, кого приручили, так?

А за тех, кого спасли?

Наверное, дважды в ответе. И Мечислав – тоже. Это я уже поняла железно. Как будто мне эту истину клеймом на попе выжгли. Вместе со второй Печатью.

Когда у человека две Печати, он постепенно начинает понимать своего вампира. Хорошо понимать.

Этот мужчина на все готов, чтобы защитить своих. И может быть очень серьезным. И собранным. Или наоборот – мягким и заботливым, чтобы получить то, что захочет. Лозунг «Все для фронта, все для победы» в исполнении Мечислава будет звучать как: «все для меня, все для жизни моих людей». Если для достижения его целей понадобится ползать на брюхе, есть навоз ложкой и спать с человеком, вызывающим отвращение даже у глистов – Мечислав это сделает.

И возможно, заставит меня.

А может и заставлять не придется.

Нравится мне или не нравится – неважно. Важно другое. На что я пойду ради Бориса? Вадима? Валентина? Надюшки? Насти и ее детей? Константина и Глеба? Танюшки и Алексея? И еще дюжины других вампиров и оборотней.

Я ведь знаю ответ.

Но пока не хочу признаваться даже самой себе.

Не хочу.

И не буду!

Вместо неудобных признаний досталось, как обычно, Мечиславу.

– И вообще, ты по делу – или так, повыступать пришел?

Мечислав сверкнул на меня глазами.

– Ты уже переделалась? Подкрасилась? Уложила волосы?

Я скорчила ему рожу. Вообще-то платье у меня было с собой. А приехала я, естественно, в джинсах. Нашли идиотку – на улицу осенью в легком платье.

– Вот выйдешь – и переоденусь.

– Вообще-то это мой кабинет.

– Вообще-то мог бы и уступить его девушке. Ладно. Я переоденусь у Бориса. Все равно он уехал. А Шарль побудет здесь до нашего отъезда.

– А если я против?

– А ты против?

Мечислав закатил глаза.

– Юля, достаточно! Сделай одолжение, хотя бы сегодня будь серьезна!

– Куда уж еще серьезнее! Мне еще этих уродов с Настей знакомить, – зло фыркнула я.

– М-да. Они получили вчера неплохую трепку. Не думаю, что они будут связываться с тобой сегодня. Но на всякий случай я еще подбавлю.

– Вот и подбавляй. Ты. А я не буду серьезной. И не заставишь! – я все быстрее впала в шутовое настроение.

Мечислав тряхнул головой. И вдруг подмигнул мне.

– Тогда – будь НЕсерьезной! На всю катушку! Помирать – так с музыкой!

– Я пока туда не собираюсь.

– А никто не собирается. Но ты – загонишь.

– Тебя загонишь...

Гад. Все настроение обломал. Ладно.

– Тогда я пошла к Борису. Шарль, ты мне поможешь бюстгальтер застегнуть?

– Девочка, не нарывайся, – мягко предупредил Мечислав. – Если ты когда-нибудь и решишь носить нижнее белье – единственным, кто его увидит, буду я.

Зеленые глаза опасно сверкнули. Но я все равно не удержалась.

– А если мне ветром юбку поднимет?

– Значит, будешь носить узкие юбки. Еще вопросы есть?

Вопросов не было.

– Нету. Тогда Шарль остается здесь. Или сам подбери ему безопасную комнату.

– Хорошо. Можешь не волноваться за свое сокровище.

– Сокровище, плюс чудовище... – задумчиво протянула я. – Где я это уже слышала?

– Ты переодеваться идешь?! – ледяным тоном поинтересовался Мечислав.

– Вспомнила! Еще сказка была такая – «Красавица и чудовище».

– Юля!

Я вздохнула – и отправилась переодеваться.

Пусть мальчики пообщаются накоротке.

* * *

После ухода Юли Шарль поудобнее устроился на диване – и вызывающе поглядел на Мечислава.

– Ну?!

Вампир прошелся по комнате, ничего не отвечая, уселся за стол – и улыбнулся.

– Хочешь выпить?

– Ты забыл? Я не пью кровь.

– А коньяк?

– А вампиры пьют коньяк?

– Вприглядку. Так что?

– Ничего. Я... я хотел тебя попросить.

Мечислав оценивающе взглянул на полудракона.

– О чем? Не отдавать тебя?

Лиловые глаза сверкнули яростью.

– Нет. Ты не понял. Я знаю, что это от тебя не зависит. Но я успел узнать и ее. Я прошу о другом. Сделай так, чтобы она не пострадала. Если что...

– Вот даже как? Ты, часом не влюбился?

Зеленые глаза смотрели пристально и внимательно. Мечислав прекрасно понимал – ситуация не просто сложная. Это фактически мыльный пузырь с навозом. Одно неосторожное движение, даже дуновение – и он лопнет, обдав всех весьма неаппетитным содержимым. И оттолкнуть его практически невозможно. Только подготовиться. Именно поэтому он прощупывал сейчас Шарля. Один на один. Пытаясь понять – до какой степени надежен этот... это существо?

Назвать даже полудракона человеком у Мечислава язык не поворачивался.

– Нет, – просто ответил Шарль. – Я, кстати, тебя помню.

– Я тебя тоже.

Они на миг замолчали. Они встречались раза два. Давно. И оба раза – через Совет Вампиров.

Молодой тогда (и трехсот лет не было малышу) Мечислав получал сначала статус ронина, а потом и Креатора, доказывая свои мастерство и силу.

А Шарль уже тогда был игрушкой Альфонсо да Силва.

И оба помнили эти встречи. А еще Мечислав помнил, как Альфонсо любезно предложил ему «немножко поразвлечься с этим ублюдком...». И свой равнодушный отказ. «На свете хватает и законнорожденных». И лиловые глаза, на миг полыхнувшие яростью.

Тогда Шарль был еще не сломлен. Сейчас же...

Насколько можно на него рассчитывать?

Первым молчание нарушил Шарль.

– Я хочу, чтобы она осталась цела и невредима. Ты можешь это обеспечить?

– Я сам этого хочу. Но удержать ее не получается.

– Я знаю, ты предпочел бы, чтобы она отвернулась и промолчала.

– Да. Но она так не сможет.

– А что сможешь ты?

– Не знаю.

Зеленый взгляд скрестился с лиловым. И словно звякнули столкнувшиеся где-то вдали шпаги.

– Ты можешь вернуть меня обратно.

– Могу. И – не могу. Она мне до смерти не простит.

– Я пытался поговорить с ней. Если что – пусть не винит себя. Ладно?

Мечислав вздохнул. Потом вышел из-за стола, достал из бара коньяк, бокал – и поставил на стол перед Шарлем.

– Я распоряжусь, чтобы тебе принесли что-нибудь мясное. Я знаю, вы любите.

– Любим. И еще. Ты так погубишь ее.

Зеленые глаза бешено сверкнули.

– Как – так?

– Она совсем ничего не знает о своей силе. И не может пользоваться. Ты это специально?

– Нет. Это она не хочет меня даже слушать.

– А кого-нибудь другого? – попал в десятку своим вопросом Шарль. Мечислав тряхнул головой.

– Пока ты с ней – можешь сам учить ее. На здоровье.

– Наша магия и ее – они разные.

– И в чем же состоит эта разница?

– Ты еще не понял, какой природы её сила?

– Она замечательный манипулятор аурами. Предполагаю, что она станет неплохим лекарем.

Шарль криво улыбнулся.

– Если бы. Ее сила – это сила жизни. Как твоя магия – магия смерти, так ее – магия жизни. Пока Юля еще только в начале пути, но она будет расти и развиваться. Тебе объяснить, что это означает?

– О, черт!

Мечислав рухнул обратно в кресло и обхватил голову руками. Такого он себе представить не мог. Или мог, но не хотел?

Наверное, и то, и другое.

Юля – маг жизни. Ее сила – сила самой жизни.

Это объясняло всё. Мысли-кирпичики укладывались в стройную конструкцию. Ее сила, ее поступки, ее возможности... Но последствия!

Сила вампиров ближе к некромантии. Сложно найти что-то более противоположное магии жизни. Фактически, он и Юля – антагонисты. И ее сила растет. Быстрее, чем его сила. Пока – быстрее.

И кто тогда будет главным в их связке?

И что это будет за связка?

Маг жизни – фамильяр вампира – или наоборот, вампир – слуга у мага жизни?

А ведь Юля...

– Да. Лет через сто, если она проживет столько, ей ваш Совет будет на один зуб, – криво улыбнулся Шарль. – И ты – тоже.

– Заткнись, – прошипел Мечислав. – И если я узнаю, что ты хоть слово кому-нибудь сказал...

– Юля уже знает. И все будет знать.

– Я не о Юле.

Фиалковый взгляд спокойно встретил зеленый. Что прочел Шарль в глазах вампира? Что понял Мечислав? Но спустя пять минут в комнате раздалось тихое:

– Я никому и ничего не скажу. Слово дракона. Но Юля будет знать все о своих возможностях.

– Пусть так. А я сделаю все, чтобы не отдавать тебя. Слово чести.

– Я не из-за этого.

– Знаю. Я пошел к делегации. Скажу, чтобы тебя накормили. А лучше... Я пришлю к тебе вампиршу. Зовут – Ирида. Посидишь у нее. И можешь не бояться, ты ей глубоко безразличен. Просто она приглядит, чтобы тебя ненароком не обидели. Юля зайдет за тобой, когда освободится. Или я сам. Остальных можешь хоть послать, хоть прибить. Вопросы?

– Нету.

Мечислав хлопнул дверью, выходя в коридор.

Мысли были простыми и ясными.

Первое.

Совет ни в коем случае не должен узнать о Юлиных способностях. Чтец аур – и все тут!

Второе.

Вбить в ее упрямую головку, что молчание в данном случае – жизнь. И наплевав на все возражения – активно учить ее. Или лучше – поручить это Шарлю. Да, магия драконов чужда человеческой, но она хотя бы не полный антагонист магии жизни.

Третье.

Чтобы связка Вампир – Фамильяр сохранилась в своем первоначальном виде, Юля должна сама, добровольно, оставаться с ним. Вывод прост.

Ему надо сделать все, чтобы Юля полюбила его так же, как Даниэля. А лучше – еще сильнее.

Как этого добиться?

Он подумает об этом, когда уедет Альфонсо.

Одно точно – ни один мужчина кроме него самого к Юле не прикоснется даже пальцем.

Вампир и сам не знал, чего было больше в этом решении? Ревности? Расчета? Чувства собственника?

Одно было точно.

Юля принадлежит ему.

Несогласные пусть заранее оплачивают свои похороны.

* * *

Я натянула платье – этакий чулок с разрезами и вырезами – и погляделась в зеркало. Да – смотрится просто восхитительно.

Танюшка навезла Насте кучу нарядов – и заодно одела меня для этого вечера. В жутко модное белое платье с длинным подолом и оголенным плечом. Серебристые узоры на белой ткани придавали мне воздушный и даже немного inferнальный вид. (Ладно. Если и не придавали, то помечтать об этом все равно можно!) К платью полагались также белая сумочка и туфли на такой длинной и острой шпильке, что я могла больше не беспокоиться об оружии. Один удар – и туфлю даже патологоанатом не извлечет. Еще к платью полагались нитки бус и браслетов с какими-то прозрачными камнями. Хрусталь, наверное. Ну не алмазы же, в самом деле? И пара колец с такой величины камнями, что будь они алмазами – аккурат на погашение внешнего долга страны хватило бы! Ну ладно, это я немного преувеличиваю, но пару «лимонов» в евро мне бы точно за них дали.

Тем более все это было огранено и оправлено в платину. Скромно, просто...

А с черно-белым нарядом Мечислава будет сочетаться просто превосходно.

Ладно. Пора. Как там у поэта? Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...²

Но все равно ведь не допросится! Надо жить! Тем более что дальше поэт оказался вовсе даже пессимистом. А ведь он не был знаком с вампирами!

Но я-то оптимистка. А значит – не дождетесь!

Надо бы еще заглянуть к Насте.

Подруга окопалась в одной из комнат на этом же этаже. И с дивана сходить не собиралась. Однозначно.

– Ты как – морально готовишься?

– Аморально.

Я присела рядом взяла оборотнику за руку.

– Не нервничай. Я буду рядом. Никто тебя и пальцем тронуть не посмеет. Обещаю.

Настя вздохнула.

– Все равно на душе неспокойно. Не доверяю я им.

А кто доверяет?

² Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит. Летят за днями дни, и каждый час уносит частичку бытия, а мы с тобой вдвоем. Предполагаем жить, и глядь – как раз умрем. А. С. Пушкин

Полчаса ушли на успокоение Настиной мятущейся души. Потом я плюнула, вызвала ей в компанию Константина – пусть папаша свою супругу и успокаивает – и отправилась вниз. В зал.

Там уже было людно и вампирно. То есть вампирно и оборотно. И те, и другие расхаживали по клубу. На сцене распевала какую-то гадость Дося Блισταющая. Альфонсо поглядывал на нее с явно мужским интересом. Мечислав потягивал из бокала что-то красное и загадочно улыбался. Хорош, гад...

* * *

Я голоден!

Первая жертва оказссалась омерзссительно сслабой!

Вторая – чуть ссильнее, но недосстаточно!

Но кто-то же уничтожил мою ловушку! Мне надо найти этого ведуна! И уничтожить его раньше, чем он доберется до меня!

Уничтожить, разссмазссать, выпить доссуха...

Но я пока еще сслишком сслаб. Ссначала надо восссстановить ссвои ссилы. Ессли этот человек ссмог разссорвать ловушку так, что мне сстало больно, зссначит, он ссилен. Очень ссилен. А я осслаб! Ессли мы всстретимссся – на чьей сстороне будет победа?

Не зсснаю. Но торопиться не сстоит. Ссначала надо выпить еще нессколко человек, набрать еще ссилы...

Раньше мне хватило бы троих человек, чтобы восссстановиться.

Но я долго ждал.

А люди сстали сслишком сслабы.

В этом есссть и минусс – мне пришлось бы долго ждать и принести намного больше человечесских жертв. Это сслишком долго. И мой носситель может попассьссся.

Но к ссчастью, мой сслужитель наткнулся на гнезссдо вампиров и оборотней. Вампиры – ссильные. Я – ссильнее и много. Раньше я мог приказссать любому вампиру принести ссебя в жертву мне. Ссейчасс же...

Ссейчасс его ссилу отдасст мне мой носситель. Я прикажу вампиру, он придет – и мой носситель ссовершит ритуал. Тогда я сстану ссильным. А ессли нет...

Есссть и еще один вариант. Я могу отдать накопленную ссилу. И попробую воплотиться. Я хочу жить! Обладать ссвободой действий и передвижений! Питаться! Влассствовать! Насслаждатьссся сстрахом и ссмертью!

И сскоро, ссовссем сскоро, я вырвуссся на ссвободу!

Чуть раньше или чуть позже, так или иначе, но чем сскорее, тем лучше... Я не хочу ждать! Ссвобода! Я хочу быть ссвободным!!!

Хорошо, что мне попалссся этот человек.

Алчносссть, жадносссть, бесспринципносссть, жажда власссти – то, что нужно для моего сслуги.

Когда я сстану ссвободен – я даже оссставлю его в живых. И даже дам крошку ссилы ссо ссвоего сстола.

Мы тоже умеем быть благодарными... на ссвоей лад.

Ха-хассс...

А ссейчасс надо присссмотреть ссебе ссильного и вкуссного вампира или оборотня. Но лучше вампира. Их ссила близсска к моей, и поглощать ее будет много легче.

Хорошего, аппетитного вампира.

Я хочу вырваться на ссвободу и воплотиться!

* * *

Мечислав развлекал Альфонсо да Силва. И старался показать себя гостеприимным хозяином. После вчерашнего, да и после сегодняшнего Юлиного поведения это было немного сложно, но приходилось делать хорошую мину при плохой игре. Пока оба вампира подыгрывали друг другу – проблем не возникало. Наоборот. Они обращались друг с другом, как с корзинами тухлых яиц – ни тряхнуть, ни дернуть, ни вздохнуть, ни... так, это уже из Юлиного лексикона.

Вот ведь паршивка! Иногда Мечиславу очень хотелось, чтобы у него был послушный, вежливый, а главное – слепоглухонемой фамилляр.

Но может сейчас, напуганная, она станет вести себя получше? Недаром же он сегодня вешал ей лапшу на уши?

Сам Мечислав не особенно верил в провокации. Какие там проверки на вшивость?! Вампиры привыкают подчиняться и прогибаться с момента «рождения». Даже самым извращенным и ненормальным желаниям своего креатора. Спровоцировать их такой мелочью, как убийство... Ха!

С точки зрения вампира, то, что произошло вчера – было вполне логичным. Альфонсо решил показать зубы. Ну, показал бы. Пришиб пару-тройку оборотней и вампиров. И спокойно расспросил бы оставшихся о смерти Рамиреса. Запугав всех до полной неспособности врать.

Оригинальный метод ведения следствия?

Так это с точки зрения разных там демократий. Вот вампиры в этом ничего ужасного не видели. Как и в пытках. А наследникам Робеспьера, конечно, хочется жить безопасно. И без таких методов дознания. А то представьте картину – врывается в дом к олигарху или там министру наряд ОМОНа. Кладет всех мордами в пол, расстреливает парочку холуев, а самому «хозяину жизни» без разговоров выдирает пару ногтей и выбивает десяток зубов. И только после этого интересуется: «А какое вы, гражданин нехороший, имеете отношение к расхищению народного достояния? Или к смерти гражданина NN?»

Шикарный метод допроса. И без всякой сыворотки правды, детектора лжи и прочих глупостей.

А для проверки правоты всегда можно из товарища ремней нарезать. Или на дыбе подвесить.

Среди вампиров почти все получали в свое время и худшие травмы, поэтому относились к таким методам как к неизбежному злу.

А людям такого было не понять. Современным людям – точно.

Конечно, Юлия сорвалась. Впала в истерику. И малым не покалечила одного из членов Совета.

Но к чести Альфонсо – это он принял спокойно. Вампиры Совета были разными. Злыми, жестокими, полубезумными, равнодушными, но они старались быть справедливыми. Потому что на одном страхе долго не удержишься.

Все правильно. Показал силу, понял, что на его силу нашлась превосходящая, и теперь будет пытаться получить ее в свое распоряжение – или хотя бы сделать ее не враждебной. И еще Шарль...

Мечислав откровенно не надеялся, что Юлия расстанется со своим новым приобретением. Ее отношение к тем, кого несправедливо обижают, он отлично знал. И сам этим пользовался. Сейчас все обернулось против него. Увы. Но нет в мире совершенства.

Вампир сидел, лениво разглядывал поющую на сцене Досю и потягивал кровь из высокого бокала. Подогреть до 37 градусов, прицепить кусочек лимона, поставить в бокал разно-

цветный зонтик – и можно ходить с ним даже среди делегации попов. Ничем не отличается от обычного бокала с коктейлем.

Дося, как обычно, блистала – и вертела попой, при этом спокойно попадая между нот. С точки зрения вампира, петь ей можно было только с закрытым ртом. Зато попка и ножки были выше всяких похвал. Это и Альфонсо отметил.

Первым начал разговор Альфонсо.

– Ваш фамильяр произвела на меня впечатление...

Мечислав нарочито безразлично пожал плечами.

– Она еще слишком молода и бестолкова.

– Но обладает значительной силой.

– Безусловно.

– Жаль, что впридачу ей досталась весьма невыразительная внешность. Впрочем, сейчас это дело поправимое.

Мечислав чуть приподнял брови.

– Безусловно, Юля не красавица. По тем стандартам, которые приняты сейчас. Но в другое время она бы пользовалась успехом. А впрочем, мне все равно. Главное в ней – не внешность, а разум.

– Разума я вчера не заметил.

«Зато хорошо заметил когти, – подумалось Мечиславу. – Жаль, что Юлька вчера сдержалась – и так мало тебе ауру распахала. Надо бы и сильнее».

Вчерашние раны Альфонсо уже залечил, хотя для этого ему потребовалась кровь двух оборотней. И выглядел просто... как герой испанской мелодрамы. Дося кидала на него со сцены заинтересованные взгляды. И Альфонсо тоже уделял ей внимание, то обжигая страстным взглядом, то поднимая бокал в ее сторону, то громко аплодируя.

– Я полагаю, сегодня вы убедитесь, что Юля – очень разумный и серьезный человек, – фальшиво заверил вампир. Сам он в этом очень сомневался. Безусловно, Юля могла быть разумной. Но Альфонсо она терпеть не могла. И в какой момент ее истинный вызывной характер выйдет из-под контроля, предугадать не мог никто. Даже она сама.

Мечислав отлично помнил ее слова.

«Корежит меня от этого фашиста... тащит, плющит, колбасит, сосисит и сарделит!»

И только надеялся, что она сможет держать себя в руках. Иначе...

– Добрый вечер, – произнес нежный голосок рядом.

И Юля, очаровательная во всем белом, послала ему нежную улыбку.

– Славочка, ты не отодвинешь мне табуретик? Или это стульчик? Нет, стульчик звучит почти как стульчак! Это же надо, одна буква – и такая разница. Славочка, ты не знаешь, почему такое произошло?!

И вампир понял, что проблемы только начинаются. Если Юля решила «включить блондинку»...

Остановить ее не представлялось возможным. Поэтому Мечислав незаметно выдохнул, расслабился и приготовился наблюдать за реакцией Альфонсо да Силва.

А что еще оставалось делать? Если Юле хочется выставить себя идиоткой – он не смеет мешать ей. Пусть ей хоть раз будет стыдно.

* * *

– Ты же не спустишь ей этого унижения?!

– Никогда! Милая, это просто невозможно. После такого нас перестанут уважать все...

– Согласна. И она просила, чтобы мы разобрались...

– Я думаю, мы разберемся сегодня.

– Когда?!

– Во время осмотра оборотники. И до тех пор держи себя в руках. Ясно?

– У меня нет твоего самообладания. Но я постараюсь.

– Постарайся, лапочка. Ты же у меня умница. А если будет невозможно, вспомни, сколько она нам обещала...

– Я постараюсь, братик.

Два вампира почти синхронно улыбнулись друг другу, обнажая клыки. И улыбка эта не сулила объекту ничего хорошего.

* * *

Мне было невесело. Я отлично знала, стоит мне появиться внизу – и Альфонсо так или иначе заведет разговор о Шарле. А вот как этого избежать...

Отказать ему сразу?

Поторговаться?

Потянуть время?

Вот честно, рядом с вампирами я даже не соплячка. Так, инфузория в тувельках. Поэтому у меня есть только один выход. Тянуть время. А там либо Альфонсо, либо падишах, либо ишак...³

Лишь бы не наша компания! Но я надеялась на опыт Ходжи Насреддина.

Итак, вступают фанфары. Сцена... а номер неважен, важно участие. На сцене – аз есмь, Мечислав есмь – и Альфонсо, поливающий меня такими взглядами, что хочется скромно раствориться и стечь в канализацию. Но это – слишком хорошо для некоторых зубастых. Перебьется. Тем более что выглядит он пока не слишком хорошо. Не знай я, что произошло – сказала бы, что парень на ежа мордой лег. Два раза. На заднем плане Вадим и Владимир. И все ждут... а чего они ждут? А, все равно обойдутся. Сегодня я не собиралась качать права. Силу показали вчера – сегодня будем любезны. Как и все победители. Поэтому я послала Алику (а как еще сокращать Альфонсика? Алька, Фонсик, Носик?) очаровательную улыбку. Пусть ему тоже будет плохо.

И начала привычно трещать о всякой чепухе. А что, хорошая манера разговора. Надо бы так попробовать сдавать генетику.

Поняв, что меня такой мелочью, как взгляды, не прошибешь, а чем-то посущественнее воспользоваться пока нельзя, Альфонсо сверкнул глазами посильнее, выдавил любезную улыбку и процедил сквозь зубы:

– Юлия Евгеньевна, счастлив вас видеть.

– Ой, а как я-то счастлива, – затараторила я со скоростью 80 слов в минуту. Сегодня я его уже вовсе не боялась. И совершенно спокойно строила из себя идиотку. Не поверит? Ну и не надо! Пусть помучается! – Я о вас всю ночь думала. Вот понимаете, буквально ночь не спала, подушку пролежала... то есть я ее еще раньше пролежала, да и спать ночью у меня уже столько

³ Однажды падишах призвал ходжу Насреддина и спросил:– Можешь ли ты обучить моего любимого ишака богословию, чтобы он знал столько же, сколько я сам? Ходжа Насреддин тут же согласился, но сказал, что ему потребуется на это двадцать лет. Эмир велел выдать ему из казны пять тысяч таньга золотом и сказал: «Бери этого ишака и учи его, но, клянусь аллахом, если через двадцать лет он не будет знать богословия и читать наизусть Коран, я отрублю тебе голову!» Ходжа Насреддин взял ишака и ушел. И сказал друзьям:– Получить пять тысяч таньга золотом и хорошего ишака в хозяйство – это человеку не каждый день удается. А голову мою не оплакивайте, потому что за двадцать лет кто-нибудь из нас уж обязательно умрет – или я, или эмир, или этот ишак. А тогда, поди, разбирайся, кто из нас троих лучше знал богословие! Подробности обучения можно узнать в книге Л. Соловьева «Повесть о Ходже Насреддине».

времени не получается, вот как мы со Славочкой познакомились, так и начала бодрствовать... Но я все думала и думала, решала и решала... мы обязаны вам помочь!

– Чем?! – искренне удивился да Силва.

Ага, хакарири я делать не стану, точно.

– Ну, вы же мне подарили Шарля...

– И я хотел бы...

Знаю я, чего бы ты хотел!

– Чтобы я хорошо за ним ухаживала? Это я вам обещаю! А вообще-то я хотела бы сделать вам ответный подарок! Животных у меня, правда, нет, зато есть шикарный фикус. Возьмете?

– Нет!

– Почему? Он же хороший!

– Я не люблю... фикусы...

– А кактусы?

Следующие пятнадцать минут Альфонсо последовательно отбивался от попыток подарить ему фикус, кактус, жасмин, диффенбахию и драцену. А также пытался мне объяснить, что вампиры не пьют текилу, им для жизни не нужна соль, он лично не любит аромат жасмина, жасмин не завезли в Испанию из Австралии, а драцену он бы с удовольствием пропустил через мясорубку. И лучше – вместе со мной.

Я же глядела на вампира невинными большими глазами. И тарыхтела, как ополоумевшая кофемолка.

– Ой, вы знаете, я все понимаю! Вы бедные даже текилу пить не можете! А почему не можете? Кровь же она соленая, а текилу пьют с солью! И вообще – если мужчина не может выпить, то какой же это мужчина?! Вот я твердо уверена, что все вампиры такие бешено вредные из-за гемоглобиновой диеты! Вот если бы меня сто лет подряд одними солеными огурцами кормили, я бы вообще озверела!

– При чем тут огурцы?!

– Ну, они же соленые! И кровь соленая! Чем-то же человеческая кровь напоминает рассол! Или рассольник? Она соленая! И там много всего плавает! Я знаю, мы учили! Эритроциты, лейкоциты, тромбоциты... скажите, а для вас принципиален процентный состав крови? Если человек болел лейкемией или лейкоцитозом? Вкусовые качества отличаются? А польза для организма вампира разная? Вроде как гемоглобин для вас наиболее важен...

Альфонсо выглядел, как больной пингвин – во всем черном и со страдальческой физиономией. Потребовать Шарля назад он мог. Теоретически. Но для этого надо было иметь время и возможность открыть рот. А я не собиралась предоставлять ему такой шанс. Мечислав не вмешивался. Вмешался незаметно подошедший Годвин. Аккурат на середине фразы про гемоглобин.

– Юля, добрый вечер. Вы сегодня просто очаровательны.

– Ой, ну где мне до вас! Вы вообще царите и блистаете! – восторженно округлила глазки я. – Просто сияете так, что палочки с колбочками дрожат в экстазе!

Годвин весь в зеленом, как большой мистер Жаб, принял мой комплимент с аристократически невозмутимой мордой, Глорианна – недовольная, как свежевычесанная кошка, но уже без прыщей, скорчила рожицу, но промолчала. И правильно. Вот честно – не нравились они мне. По полной программе!

Совершенно не ясно почему. Может, потому что вчера на меня наехали? По-подлому, исподтишка и без предупреждения?

А может потому, что они слишком ясно показывали свое превосходство?

Я уже было собиралась что-нибудь затараторить, спасая свой имидж идиотки, но Годвин опередил меня.

– Я приношу вам свои извинения за вчерашнее.

– Да что вы, ничего страшного, – махнула я рукой. Вампир шархнул. А ведь сегодня я даже без серебра.

– И, тем не менее, я не должен был пытаться вас подчинить...

Какие все разумные становятся, как по морде отхватят! Просто умиление пробирает!

– Вчера вас это не остановило.

– Я был неправ и уже принес свои извинения, – процедил вампир.

Я невинно хлопнула глазами.

– Принесли? Положите их там, в уголочке.

– А?

– Вы что – принесли извинения без упаковки? Ай-яй-яй, как некрасиво. Могли бы хоть в бумагу завернуть. Это материя тонкая, еще порвете ненароком, а не порвете, так измажете!

Годвин расслабился и улыбнулся.

– Я начинаю понимать, когда вы шутите.

– Да? Это вам очень, очень пригодится в дальнейшей жизни.

Все кисло заулыбались. И я перешла к делу.

– Годвин, Глорианна, вы хотели осмотреть Настю? Вот и отлично. Сейчас мы с вами пройдем в комнату, где она дожидается. Сами понимаете, этот клуб – не место для беременной женщины. Осмотрите ее – и я посажу ее в машину.

Годвин послушно кивнул головой. Глорианна наморщила нос.

– А сюда она прийти не может? Это всего лишь оборотниха...

– Это – первая беременная оборотниха за несколько веков, – огрызнулась я. – Поэтому либо Магомет поднимает попу и идет к горе – либо ждет обвала, сидя на прежнем месте.

– Что?! – взвилась Глорианна.

Я было приготовилась ругаться, но меня опередил Годвин. Он подхватил свою родственницу под руку и чуть провел пальцем по ее носу.

– Глория, утихни. Здоровье беременной женщины – важнее наших амбиций.

Надо же, вампир, а понимает? Интересно, а чтобы вот такое в вампире прорезалось – по нему сначала надо чем-нибудь тяжелым постучать? Я бы не отказалась узнать – чем именно и по каким местам!

Глорианна несколько секунд пепелила его гневным взглядом, но потом сломалась – и отвела глаза в сторону.

– Хорошо. Мы здесь в гостях. Идем.

Я взмахнула рукой, приглашая вампиров за собой.

* * *

Настя ждала нас наверху, в одной из небольших симпатичных комнаток для гостей. При виде Годвина (кстати, а как это сокращается по-русски? Год? Или проще – Гад?) и Глории она попыталась подняться с дивана, но я тут же пресекла ненужную инициативу.

– Лежать, расслабиться. Вампиров тут много шляется, а дети – важнее.

О! Одной фразой возмутить сразу всех, кто был в комнате! Я – талант! А талантов часто бьют.

Настя таки встала и попыталась отвесить поклон. Получилось это плохо – на седьмом месяце с хвостиком. Я тут же усадила ее обратно на диван.

– Чувствуешь себя нормально? Не тошнит? Голова не кружится?

– Все в порядке.

Годвин и Глорианна попросили Настю улечься на диван – и принялись водить руками над ее животом, чуть пошевеливая пальцами.

Оборотниха напряглась и умоляюще посмотрела на меня. Я подошла – и взяла ее за руку.

– Успокойся. Обещаю – тебе не причинят вреда.

И соскользнула на второй уровень зрения.

Действительно. Вроде бы вампиры не делали ничего плохого. От их пальцев словно отходили тоненькие черные шупчики, которые трогали ауру женщины. Я даже не сразу сообразила, что это их замена зрения. Я-то вижу ауру без таких инструментов. А они – нет. И приходится навестывать осязанием. Наверное, это ужасно неудобно.

Возле серебристого рисунка, сейчас закрытого пятном белого цвета, вампиры задержались очень надолго. Общупали все, что могли, прошлись по контурам раз десять, попытались измерить толщину заплатки, но куда там! Это было все равно, что слепому на ощупь определить – красный цвет у ткани или синий. Конечно, ничего не вышло.

И вампиры с раздражением отлепились от Настасьи, чтобы взяться за меня.

– Юля, вы не можете показать, что именно сделали?

– Вы же сами должны были нащупать заплатку, – удивилась я.

– Этого мало! Мы хотим увидеть, как вы ее накладывали, – недовольным тоном заявила Глорианна. Причем с такими интонациями, словно я у нее в долг брала и не вернула.

Я фыркнула. Отпустила руку Настю и усадила подругу поудобнее на диване.

– Найдите мне беременную женщину-оборотня, приведите – и я покажу, что и как.

– И где мы ее сейчас найдем? Покажите на этой! – Глорианна ткнула пальчиком в Настю. Я отбила палец на лету. И поглядела на вампиршу, как на клопа. Жирного и противного.

– А снимать заплатку, подвергая детей опасности – я не позволю!

– Да неужели? – усмехнулась Глорианна. – Нас двое. Ты – одна. Что ты можешь сейчас сделать, когда тебя никто не защищает, человечка?!

– Ты уверена, что хочешь это узнать?

Я блефовала. Черт его знает – получится ли у меня второй раз номер с когтями. Но... я не позволю им ставить опыты на Настиных детях. Мало того, что от них много зависит, так еще и... Да дети это! Черт! Кем надо быть, чтобы ставить опыты на детях?! Доктором Менгеле?!

Так вот, я – не он!

– Один раз тебе помогла случайность, – словно прочитал мои страхи вампир. – Второй раз такого не будет.

– Ты так уверен?

Я оглянулась по сторонам. Пейзаж не порадовал. Ничего тут в качестве оружия не приносишь. Ни ваз, ни канделябров... Но не сдаваться же теперь?

Главное... что сейчас главное?!

Смешной вопрос.

– Настя, спрячься куда-нибудь, пока взрывом не накрыло, – процедила я, не отрывая взгляда от вампиров.

Оборотниха оказалась умнее всех – и, перекатившись, на четвереньках удрала за диван, а оттуда под стол. Так-то лучше.

Годвин и Глорианна медленно приближались ко мне. Настя-то молодец. А я вот осталась нос к носу с двумя разозленными вампирами.

Несколько страшных минут мне казалось, что я ничего не смогу. Только умирать. Драться – и умирать. Потому что живой я им не дамся. Ни за что!

А умирать не хотелось. Только-только жить начинаю, только вот Шарль мне объяснил...

Главное – это жизнь.

Я выдохнула – и попробовала вспомнить то ощущение, которое пронизывало меня до самых кончиков пальцев, когда освобождался Зверь.

Ага, аж два раза.

Эта зараза ворочалась себе с боку на бок за зеркалом. И я почти видела, как он подворачивает хвост, стремясь свернуться поудобнее.

Скотина! Меня тут сожрут, пока он очнется.

Этих мыслей хватило мне ровно на два вампирских шага.

А потом что-то словно развернулось, расправилось внутри меня. Совершенно невероятное чувство. Как бабочка выходит из кокона.

И я поняла – не надо звать. Не надо что-то вызывать в себе. Надо просто *позволить*...

Я улыбнулась. И выпустила наружу своего зверя. Он выглянул из треснувшего зеркала, потянулся и выпустил здоровущие когти. Те самые. Вчерашние. Которыми я чуть не отстригла что-то ценное в ауре Альфонсо да Силва.

Я пока еще плохо знала, как у меня это получается. Но если получилось один раз – получится и второй. И третий. И десятый. Вот потренируюсь немного... на вампирах, а то кошек жалко.

– Лучше сразу извинитесь – и проваливайтесь из города, – предупредила я вампиров. – Я за себя не отвечаю, покалечу – и не замечу.

Не поверили. А зря. Докажем правоту своих слов. Но первой нападать нельзя. Альфонсо с удовольствием сделает из меня крайнюю и левую. И даже радикальную, если сможет. А желание я ему вчера обеспечила. И еще сегодня добавила. Интересно, не с его ли подачи эти двое так разохотились?

Годвин и Глорианна согласованно надвигались на меня. Еще один шаг. Комнатка небольшая. Им остается не больше двух шагов до меня. На их горе...

– Ребята, вы уверены, что это хорошая идея? Если вы меня покалечите или убьете – Мечислав вам кишки на рога наматает, – предупредила я, пытаюсь отойти еще подальше от Насти. Когда мы сцепимся с вампирами, будет жарко и весело. И я не хочу, чтобы подруга пострадала. Беременным женщинам вообще не обязательно переживать такие стрессы.

– Мечислав ничего не заметит, – тихо шепнул Годвин. – Ты просто выпьешь несколько глотков моей крови – и все. Это тебя не покалечит.

– Да неужели? А если ты мне прикажешь покалечиться?

Годвин чуть сдвинул брови. И я поняла, что попала в цель. Кровь вампира – сильное средство. Если я сделаю хотя бы глоток его крови – и Годвин установит свою... не печать, а чуть полегче, отметину, что ли, не полную связь, а так, веревочку, за которую дергают марионетку, он сможет приказать мне хоть со скалы броситься. Я могу и не послушаться. Но могу и попасться. Мало ли что и как бывает...

А вытравить эту связь сложно. Если только крестик проглотить...

Ага, вот тогда мне и будет обеспечена язва с прободением. У меня и так уже шрам есть... на всю оставшуюся, лучше уж обойтись без таких брейков!

Почему-то такая идея меня ничуть не прельщала.

– Ты же не думаешь, что мы тебя так легко простим, ты, маленькая... – зашипела Глорианна.

И я поняла – если они смогут заставить меня проглотить хоть каплю крови Годвина – это будет попадалово. Придется крепко и серьезно работать с Мечиславом, чтобы вытравить эту ниточку. А мне этого не хотелось. Вот ни капельки. А значит...

– Лучше быть маленькой и удаленкой, чем старенькой и дохленькой, – огрызнулась я на Глорианну.

– Ах ты...

Вампирша зашипела – и бросилась на меня.

И я не стала уворачиваться. Я просто выставила руку вперед. Словно хотела ее остановить.

Только вот когти никуда не делись.

Вчера я без особого усилия распахала ауру Альфонсо да Силва. Но я всего лишь прошла по касательной. Сегодня же...

Глорианна просто сама нанизала себя на когти. И они проткнули ее насквозь. На миг я увидела, как они мелькнули в районе спины вампириши. И не думая, резко взмахнула второй рукой – и отскочила в сторону, чтобы меня не задел Годвин, подобранный уже вплотную.

Ауру женщины в районе шеи перечеркнули четыре рваных полосы. Она запрокинулась и начала падать назад. Прямо на дико взвывшего Годвина.

– Глория!!!

Оставалось только подтолкнуть тушку на его руки.

Заодно и свои осмотреть. Я довольно встряхнула кистями. На ковре не осталось ни капли крови. А хорошее оружие! И главное – хоть ты у меня все, вплоть до трусов забери, хоть налысо обрей, а когти со мной останутся. И я любому что ауру изуродую, что чакры поотстригаю!

И самое приятное – никакого обвинения в убийстве. Стояла я рядом, рукой махнула, а человек померши. Почему? Ну-у... срок ему пришел. А как еще объяснить необъяснимое с точки зрения современной науки? «Гражданин судья, эта стерва изуродовала ауру моему другу, а он от этого копыта отбросил?»

Неубедительно.

Глорианна чуть дернулась – и по-моему собралась умирать. Располованная вдоль и поперек аура расплзлась, подобно киселю прямо на моих глазах. М-да. Я погорячилась? Если только немного. С другой стороны – что она – такая слабая? Ни мозг, ни сердце я ей не задела, так какие проблемы? Пусть как хочет, так и восстанавливается!

Я шагнула было к двери, позвать народ, но Годвин молниеносно уложил сестренку на ковер – и развернулся ко мне.

– Ты!!!

Ну я. Сложно отрицать очевидное.

– Ты убила ее!!!

Лицо вампира исказилось, кости словно поплыли под кожей, превращая его в морду хищного зверя, руки вытянулись вперед, пальцы изогнулись, наподобие моих когтей... Теперь его не назвал бы красивым даже поклонник творчества Церетели.

– Пока еще нет.

Я не испугалась. При необходимости я могу и повторить номер. На «бис». Но зачем? Лучше не наживать себе таких врагов.

– Она умирает!!! За это я убью тебя!!!

– И потеряешь единственную возможность спасти сестру, – указала я.

Годвин словно на стенку налетел. И даже слегка уплющился лицом, как персидский кот.

– Ты... ты...

– Не я, а ты. Сможешь отдать ей достаточно силы – восстановится. Не сможешь – здесь и зароем, – продолжила я тем же менторским тоном.

– Силы?! Как?!

Я пожала плечами.

– У вас вампиров, только один вид силы – кровь.

Все. Вампиру оказалось уже не до меня.

Он упал на колени рядом с сестрой, рванул ногтями вену на запястье и поднес к ее губам.

Несколько капель крови вытекло в оскаленный рот Глорианны. Вампириша дернулась. А потом вцепилась в его руку, как пиранья – в окровавленный кусок мяса, и принялась активно сосать. М-да. Я бы ей точно ни руки, ни пальца не дала. А то и ноги вместе с ними оттяпает.

И я опять соскользнула на другой уровень зрения.

Упс?

А вот этого я не предвидела...

Там, где вампириша налетела на мои когти, расплзались радужные пятна. Почти аналог тех слизняков, которых я очистила с Лешки. Только те слизняки кому-то передавали накоп-

ленную силу, а мои... а мои гробили бедную вампиршу без всякой передачи. Ощущение было такое, что в этих местах ее аура расплзается в лохмотья. Вот, видимо, об этом и говорил Шарль. Моя сила – сила жизни. А аура вампиров так тесно повязана со смертью. Захочу – угроблю, захочу – спасу. А спасать я эту стерву точно не хотела. Вот ее аура и уничтожается впрыснутой энергией живого. Непереваренной. Чистой. Почти как энергия солнечного света. И что Годвин с ней ни делай – сама она не восстановится. Смерти не под силу бороться с жизнью. Просто потому, что смерть – это неотъемлемая часть жизни. Как голова – часть живого организма. Но рука или там нога не смогут бороться со всем организмом.

Я покачала головой. Так мы обоих родственничков тут и закопаем. А это в мои планы не входит. Если они помрут – Альфонсо по нам катком проедется. И точно заставит вернуть Шарля. А этого я допустить не могу.

Пришлось присесть рядом – и аккуратно поместить ладонь над ранами.

Ну-ка, домой! Что еще за новости кино? Я ее убивать не хотела!

А может, хотела? – коварно шепнул зверь с человеческими глазами, с удовольствием облизывая окровавленные когти. – *Только боисься себе в этом признаться? Но если бы ты хотела оставить ей жизнь, разве твой удар стал бы таким сокрушительным? Ты ведь ее добивала. Осознанно добивала...*

Брысь под лавку, зараза! – цыкнула я на зверя. И чуть пошевелила пальцами.

Ко мне, мальчики, ко мне... Вы частицы моей силы, вот и вернитесь туда, где вам самое место – ко мне, в родной источник... я вас породила, я и растворяю...

Подействовало неплохо. Не успела я глазом моргнуть, как радужные пятна стали переползать с ауры Глорианны на мою руку. Ощущение при этом было... бесподобное!словно сидишь на теплом песочке и зарываешься в него ладонью. Где-то он чуть прохладнее, где-то теплее, но везде мягкий и шелковистый. Приятно так...

Я мурлыкнула. По всему телу прошла блаженная судорога – и я спешно отдернула руку. Еще не хватало у вампирши последнее забрать. И так – жуть что творится...

Кровь из руки Годвина лилась сплошным потоком в оскаленный рот Глорианны. И это приносило свои результаты. Кожа вампира сморщивалась, он словно старел и становился все больше похож на достаточно противную мумию. Глорианна вообще была чем-то таким... полупротухшим. Не знай я, что это – вампирша, – сказала бы, что девушка подохла с неделю назад и успела основательно разложиться. Пахла она вообще омерзительно.

Хорошо я ее потрепала. В следующий раз (если в этот выживет) трижды подумает, прежде чем связываться.

Но раны на ауре Глорианны затягивались. Медленно, очень постепенно, но затягивались. Вот уже исчезла одна, вторая...

Потом, надо полагать, девушка придет в норму.

Но на это Годвина уже не хватило. Когда затянулась последняя рана на ауре вампирши, я кивнула, и он с усилием дернул рукой, вырывая ее из оскаленного рта сестренки. На зубах Глорианны остался здоровенный кусок мяса. Меня аж передернуло от омерзения. Гадость какая.

Выглядели вампиры, как два трупа, лежащие рядышком. Пахли – соответствующе.

– Юля?

Ой! Черт!! Настя!!!

Я развернулась к подруге.

– Как ты себя чувствуешь? Они тебе не навредили? Как дети?

Настя казалась относительно живой, здоровой и неповрежденной. Слава богам – и отдельное спасибо мне. С кисточкой.

– По ощущениям – более чем нормально. А что – могли?

– Напакостить они хотели мне. Но если бы догадались, что взяв тебя в заложницы, смогут диктовать мне условия – так и поступили бы.

Настя выдохнула, а потом плюнула на ковер рядом с вампирами.

– Уроды. К ним по-доброму, а они...

– Вот-вот. Поэтому сходи, подруга, за Вадимом. Я пока побуду тут, чтобы не ожили и не отправились кусать всех подряд.

– Думаешь, потянут?

– Не знаю. А что не знаю – то и не думаю.

Настя кивнула – и пошла к выходу.

– Направишь сюда Вадима – и давай домой. Нечего тебе в этом дурдоме делать, – распорядилась я. – Нам здоровые дети нужны.

– Правда? Мне тоже, – огрызнулась подруга. И исчезла за дверью.

* * *

– Ваша фамильяр просто очаровательна в своей непосредственности, – философски заметил Альфонсо, улыбаясь Досе.

Мечислав мысленно обругал Юлю – и пожал плечами.

– Она еще ребенок. Пусть играет, пока есть настроение.

– У нее опасные игрушки.

– Жизнь у нее тоже опасная. Увы. Но вопреки своим играм и шуточкам, Юля очень ответственный человек.

– Незаметно.

– Вы еще успеете с ней пообщаться. Полагаю, что она скоро опять спустится.

– Неужели?

На этот раз Альфонсо действительно удивился.

– я предполагал, что после вчерашнего... происшествия, она должна отдыхать и набираться сил. Да и сегодня ей предстоит давать расширенные объяснения Годвину и Глории по поводу Насти.

Вот по поводу объяснений Мечислав ничуть не волновался. Лишней информации от Юли никто не получит. В основном потому, что она сама ей не владеет. Получилось – и все тут. А как, чего, зачем...

Спросите что попроще!

Главное чтобы Годвин и Глория приняли эти объяснения, а то... Плохо, что он отвел им место на втором этаже. В подвале было бы надежнее. И надо бы попросить ребят приглядеть за ними... хотя Вадим и сам догадается.

– Юля закончит все свои дела с беременной оборотничихой – и опять присоединится к нам. Я приказал ей так поступить.

– Ах вот как... Она сейчас наверху?

– Да.

– Я надеюсь, потом она будет чуть более вменяемой?

Вот в этом Мечислав сомневался. И сильно. Но не спорить же с начальством?

– Безусловно.

– Я буду рад с ней пообщаться. Хоть она и не так привлекательна, как эта блондинка, – кивок головы в сторону Доси, – но мне было бы интересно исследовать природу ее силы.

– Полагаю, Юля с радостью даст свое согласие на любые исследования, – заверил Мечислав.

– Надеюсь на это. Скажите, а Рамирес проводил какие-либо манипуляции с вашим фамильяром?

Мечислав внутренне напрягся – к чему этот вопрос? Сам же знаешь, что нет! И вежливо покачал головой.

– Что вы! Никаких манипуляций и никаких исследований он не проводил.

– Жаль. Рамирес был хорошим специалистом в своей области. И хорошим слугой.

– Несомненно, – Мечислав не мог сказать ничего другого. – Мне жаль, что с ним так получилось, но я не мог простить покушение на своего фамильяра.

– И все же утрата такого специалиста, как Рамирес... Понадобится много времени, чтобы создать ему подходящую замену.

В переводе с вампирско-дипломатического на русский, это выглядело так:

«– За что же вы убили Рамиреса? Не за вашего ли фамильяра?»

– Не виноватый я, дяденька, он первый начал.

– Надо было найти другой способ. Или извольте как-нибудь компенсировать мне его смерть».

Само собой, Мечиславу этого делать не хотелось. И вообще, один раз прогнешься – всех дохлых собак на тебя повесят. Поэтому он опять вежливо улыбнулся.

– Не уверен, что у нас есть незаменимые. Наверняка на место Рамиреса имеется множество кандидатур. Как и на любое другое место.

«Знаем мы таких незаменимых. На пяточок пучок. А будешь наглеть – и на твое место кандидаты найдутся!»

– Например, на место Князя города.

– Плох тот Князь, который не сумеет защитить себя. Я полагаю, что и Член Совета обязан быть готов к любым неприятностям?

– Не все можно предусмотреть.

– Но многое. Например, мой фамильяр вообще не поддается никаким расчетам.

– С Юлей мы еще пообщаемся подробнее. А что она намерена делать с Шарлем?

– Пока – ничего. Потом – у нее есть определенные планы.

– Вот как...

Альфонсо решил больше не давить – и принялся оглядывать Досю, которая усердно отплясывала на сцене.

Мечислав тоже не нарывался. Все было и так ясно. Альфонсо почти прямым текстом начинал угрожать, что если ему не вернут Шарля, он так напакостит, что Мечислав сильно пожалеет о своих словах, поступках и вообще – о своем рождении на свет.

Мечислав не упирался бы. И вернул. Ему Шарль не брат, не сват и вообще никто. Но Юля...

«Интересно, что она там делает так долго?» – вампир отпил еще глоток крови из бокала и опять уставился на сцену. Ничего не скажешь. Хороша шлюшка.

Не зря он столько заплатил за ее концерты. Если Альфонсо выпустит пар на эту раззолоченную куклу – все затраты на нее сто раз окупятся. А что после этого будет с певицей...

А какая разница? После панели и шоу-бизнеса Альфонсо может показаться ей вполне нормальным человеком.

Юля спустилась не скоро.

Сначала спустился Вадим, встрепанный и слегка пришибленный. Пробежал туда, потом оттуда – и исчез. Потом так же пробежался Владимир.

Мечислав сильно заподозрил что-то неладное. Но решил не вмешиваться.

С Юлей точно все в порядке. По ниточке, которая их связывала, не передавалось ни боли, ни страха. Что еще нужно? С точки зрения вампира – хотелось бы узнать, что случилось, но оставить Альфонсо да Силва было невозможно.

А потом Юля спустилась вниз.

Такая же очаровательная, во всем белом. Такая же спокойная.

Присела рядом, попросила апельсинового сока, выпила и улыбнулась.

– Поеду я домой, вы не возражаете?

* * *

– Возражаю, – тут же встрепенулся Альфонсо. – У нас с вами еще осталось неоконченное дело.

– Разве? – искренне удивилась я. Никакими делами мне заниматься не хотелось. Даже строить из себя идиотку – и то лень было.

Альфонсо покривился.

– Я признаю, что вчера вы выиграли. И готов вернуть себе свое имущество за выкуп. Назовите цену.

– Шарля я вам не отдам, – отчеканила я, прищуриив глаза. Игры закончились.

Альфонсо сверкнул на меня бешеными глазами.

– Юля, вы не поняли. Я не прошу. Я приказываю. Называйте цену – и покончим с этим.

Я ухмыльнулась.

– Да без вопросов. Ваша жизнь – взамен его.

– Что?!

– Что слышал! Хочешь получить его – можешь пойти ко мне в рабство сам!

Тоненькая ниточка порвалась окончательно – и я насмешливо улыбнулась, глядя в черные глаза.

– Я ценю жизнь и свободу. И требую высокую плату. За твою жизнь – я взяла его свободу. За его жизнь – возьму твою. На меньшее я не согласна.

Альфонсо отшвырнул в сторону стол.

– Ты переоцениваешь себя, девчонка. Вчера я не хотел убивать тебя...

– А сегодня – уже не сможешь! – мне море было по колено. А то и по щиколотку. И торжествуя рычал в глубине души зверь с человеческими глазами. Сегодня он уже отведал крови. Но ему было мало. И хотелось – ЕЩЕ!!!

– Юля! – попытался вмешаться Мечислав.

Я даже не повернула головы.

– Не мешай! А то попадешь под раздачу!

И вдруг почувствовала, что... столбенею?

Альфонсо! Черт!

Я совсем забыла, что вампиры владеют магией. И сейчас Альфонсо просто проделал со мной то, что когда-то попытался Иван Тульский. Только намного быстрее и легче.

И сделал шаг ко мне.

– А теперь твоя жизнь в моих руках, девчонка. Ты еще будешь торговаться?

До меня ему – пять шагов. Мало? Много?

Достаточно.

С лихвой достаточно для живущего в глубине моей души Зверя. Он рванулся вперед, ближе к моему лицу, облизнулся – и просто потянул в себя заклинание Альфонсо. Как веревочку. Да любое заклинание и есть – веревочка. На одном конце – ты. На другом – твой противник. Поймай, потяни, используй против своего врага его же силу, его же слабость...

Твой враг – и есть твой самый лучший друг.

И пища для Зверя.

Мне хватило секунды, чтобы уверенно перехватить заклинание. Альфонсо сделал еще один шаг, приближаясь нарочито медленно, стараясь меня напугать... напрасно.

Надо было бить сразу, а не давать мне время.

Сдавленно зашипел Мечислав – кажется, он хотел броситься мне на помощь, но заклинание подействовало и на него.

А вот это Альфонсо зря сделал. Было бы кому меня остановить. А сейчас я могу делать, что хочу. И сделаю!

Я улыбнулась. И потянула силу из заклинания. Альфонсо чуть подбавил – и на секунду открыл свою ауру для удара. Я увидела тем же зрением, которым видела ауры, канал подпитки заклинания – и когти моего Зверя с человеческими глазами впились в него.

– Э, нет... – шепнула женщина в алом плаще. Звериные глаза на ее лице ярко блеснули. – Надо аккуратнее, вы потеряете много силы, просто так, а это нехорошо... Дайте-ка мне...

И я вдруг почувствовала себя... другой!

Легкой, ловкой, сильной, изящной...

Я взмахнула рукой, одновременно поглощая остатки заклинания и перехватывая контроль над каналом подпитки. И потянула в себя силы Альфонсо.

Легко. Уже почти привычно. Как когда-то с Рамиресом.

И сила послушно пришла на мой зов. Откликнулась. Закрутилась вокруг меня коконом тепла.

Но в этот раз мне не хотелось раствориться в этом коконе. И я открыла нашу связь с Мечиславом.

И сила Альфонсо хлынула в моего личного вампира. А от него – ко всем его подчиненным.

Я расхохоталась.

Альфонсо заметался, впадая в панику. Он уже понял, что ничего мне сделать не сможет. А я вот выпью его. Здесь, сейчас и с большим удовольствием.

Или – нет?

Ладно.

Пока – пощадим.

Я хладнокровно смотрела, как Альфонсо теряет силы, как с каждой минутой меняется его облик – седеют волосы, покрывается морщинами кожа, тускнеют глаза, проваливаются и западают щеки...

И только когда его пальцы всерьез задрожали от слабости – разорвала наш контакт.

О черт!

Это оказалось неожиданно сложно. Словно... я рвала его против своей воли...

Я содрогнулась.

Но почему так?

Ладно. Подумаю об этом потом. А пока...

Я посмотрела на Альфонсо да Силва.

– Ты – член Совета. Но остерегись давить на меня. Вы установили правила – изволь играть по ним. Иначе лишишься жизни. Ты понял?

Альфонсо молча кивнул. В черных глазах полыхнула ненависть. Этого он мне никогда не простит.

Но бояться будет!

Я медленно провела рукой по его изрядно привядшей ауре.

– Я не отдам тебе Шарля. Если хочешь его получить – моя цена тебе известна. И больше не заводи об этом разговора.

– Юля!

Мечислав положил мне руки на плечи. Ну да. Бросив силу по нашей связи, я невольно освободила его.

– Я уже давно – Юля. И никогда и никого не выдам палачам, – отрезала я. – Владимир!

Владимир появился очень быстро. Подслушивал?

Да хоть бы и подглядывал – плевать. Я указала на Альфонсо да Силва.

– Возьмите его и отнесите в кровать. Ему понадобится усиленное питание. Но исключительно по доброй воле. Ясно?

Владимир кивнул. Ему все было ясно. Он подхватил Альфонсо – то есть скорее Альфонсообразный скелет под руку и почти поволок из зала, что-то приговаривая по дороге.

Мечислав проводил их молчанием, а потом схватил меня за руку и потащил в направлении своего кабинета.

– Запястье оторвешь! – попыталась покачать права я. Но куда там.

Мы вихрем пронеслись по коридору, влетели в кабинет, Мечислав пихнул меня на диван, ногой захлопнул дверь – и развернулся ко мне.

Я увидела его лицо. И чертыхнулась про себя. Попала.

* * *

Мечислав был, мягко говоря – в бешенстве. Будь он чайником – свиста бы на три паровоза хватило. Несколько секунд он еще контролировал себя, а потом крыша слетела – и унеслась в далекие края.

– Ты... ты... ты соображаешь, что ты творишь?! – заорал он.

Пока он не матерился. Но уж лучше бы так. Я знала, что делать с разозленным вампиром, с избитым вампиром, с подшучивающим, соблазняющим, издевающимся, но в такой ярости я его ни разу не видела.

А что делают с вампиром, у которого глаза красные и светятся от бешенства? Уже даже не зеленые. Красные, как запрещающий сигнал светофора. Хоть табличку вешай «растопчу и не замечу». Носорог на тропе войны – это милое и безобидное существо рядом с Мечиславом. От него хоть удрать можно. А от вампира? Не убежишь, не защитишься – нечем...

И когтями его не покалечишь – все же на мне скажется. Все равно на мне. Так что никаких манипуляций с аурой. Наворочу – сама потом повешусь.

Эх, мне бы сюда бейсбольную биту.

– Чего ты молчишь?! – рявкнул Мечислав, оставаясь нос к носу со мной.

Идей не было. Более того, я была абсолютно вымотана. Как тряпка. Разборки сначала с близняшками, а потом с Альфонсо не прошли мне даром. И бляеть «Успокойся, дорогой...» я тоже не собиралась. Не поможет. Хватать его за руку – и изображать кающуюся Магдалину? Это с Христом прокатывало. А с вампиром? Оторвет голову и посмертно простит. Оставался только один выход. Он мне не нравился. Мягко говоря. Но – а что я могу еще сделать? В окно выпрыгнуть? Так стекло небьющееся!

– Ты хоть понимаешь, в какую лужу ты нас загнала?!

Вместо ответа я взяла лицо вампира в ладони и проникновенно заглянула ему в глаза.

– Я все понимаю.

И прежде чем Мечислав успел рявкнуть еще хоть одно слово – повисла у него на шее, прижимаясь всем телом, приликая, как банный лист, и страстно (с поправкой на смертельную усталость) целуя его прямо в оскаленные клыки.

Глаза вампира приняли форму правильных красных кругов. Руки взлетели – и опустились мне на талию. Что он хотел? Отодрать меня и отшвырнуть прочь? Обнять еще сильнее?

Мне кажется, вампир и сам этого не знал. Но у меня-то выхода не было. Либо я пытаюсь пережить бешеного вампира, либо перевожу его ярость в другое русло.

Почему секс?

Ну-у... вот если бы он авиамодели клеил или марки собирал, у меня был бы выбор. А так – что попало, тем и прилетело.

Я извернулась – и закинула левую ногу вампиру на бедро, провокационно потеревшись об него всем телом. Оторвалась на миг от его губ – и запрокинула голову назад, подставляя шею

то ли поцелуюм, то ли укусам. Я вся дрожала. От страха? От предвкушения? Сердце билось так, что у меня перехватывало дыхание. Бешено пульсировала жилка на шее. И Мечислав не выдержал. Вампир со стоном прижал меня к себе так, что чуть не треснули ребра – и впился губами в мои губы.

Голова закружилась. Перед глазами расплывалась багровая пелена. Воздуха не хватало, но это было и неважно. Важным в пошатнувшемся мире был только Мечислав. Его глаза были так близко. Невероятно близко. Руки вампира скользили по моему телу. Сжимали, гладили, трогали, словно изучая, – и дыхание перехватывало от восторга. Почему я столько времени сопротивлялась? Почему не давала себе воли? Почему...

Мысли были бессвязными и шальными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.